

ЕВГЕНИЯ И АНТОН ГРАНОВСКИЕ

ПОСЛЕДНЯЯ ЗАГАДКА ПАРФЮМЕРА

В детективах полуночи старинные легенды оживают в современности. Окунитесь в мистические тайны и ощутите дыхание неведомого...



детектив полуночи

Евгения Грановская
Антон Грановский

Последняя загадка парфюмера

**Серия «Маша Любимова и
Глеб Корсак. Следствие ведут
профессионалы», книга 1**

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2376285
Последняя загадка парфюмера: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-52428-0*

Аннотация

Журналист Глеб Корсак не отказал своему старинному приятелю Петру Фаворскому в просьбе взять на хранение картину фламандского мастера семнадцатого века ван Тильбоха «Автопортрет со смертью». Глеб даже не распаковал шедевр, пока не узнал – Фаворский в тот же вечер погиб при весьма странных обстоятельствах! Его в буквальном смысле что-то напугало до смерти...

Глеб сразу понял – дело в полотне фламандца. Он узнал, что сто лет назад оно принадлежало парфюмеру Генриху Брокару, создателю первой в России фабрики по производству мыла и духов. Оказывается, по его желанию в «Автопортрете» были

перерисованы некоторые детали. Значит, знаменитый француз зашифровал в картине какую-то тайну...

Содержание

Глава 1	5
1	5
2	10
3	17
4	22
5	30
6	42
7	46
Глава 2	61
1	61
2	66
3	72
4	82
5	87
6	103
7	117
8	128
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Антон и Евгения Грановские Последняя загадка парфюмера

Глава 1

*«В ту же самую ночь Валтасар, царь
халдейский, был убит».*

Книга Пророка Даниила.

Гл. 5, стих 30

1

Глеб Корсак взял карту за уголок и плавно перевернул ее.
– Дама, – сухо сказал он.

Его противник, толстяк с лицом злого клоуна, тоже перевернул карту. Вид у бубнового короля был самодовольный и сытый, как и у человека, в чьих толстых пальцах он только что побывал. Противник поднял на Глеба немигающий взгляд и с улыбкой произнес:

– Король.

Глеб облизнул пересохшие губы. Толстяка звали Антон Долинский, и Глеб по собственному опыту знал, что улыбка его не предвещает ничего хорошего.

Глеб перевернул вторую карту.

– Еще дама, – спокойно сказал он.

Долинский едва заметно усмехнулся, положил палец на карту, пару мгновений помедлил, явно наслаждаясь моментом, а затем перевернул ее – плавно и изящно, словно позируя перед фотокамерами. Второй король – на этот раз чернобородый пиковый султан, облаченный в чалму, – лег рядом с первым.

– У вас все? – поинтересовался Долинский.

Глеб коротко кивнул. По публике, наблюдавшей за игрой, пронесся вздох облегчения. Послышались смешки.

– Ваши милые дамы биты, – с вежливой улыбкой произнес Долинский. – А мой третий король остался без партнерши.

Противник перевернул последнюю карту. В глазах у Корсака зарябило. Он с усилием улыбнулся и выдохнул:

– Хорошая игра.

– О да! – В голосе Долинского слышалась ирония. – Хорошо играет тот, кто хорошо играет.

Противник сипло хохотнул, и упитанное лицо его словно треснуло пополам. С изяществом фокусника вытащив из кармана черный шелковый платок, Долинский смахнул слезу, улыбнулся Глебу и сказал:

– Вы любите рисковать, господин Корсак. В наше время

это редкое качество.

Крупье сгреб лопаткой фишки Глеба и передвинул их к толстяку. Глеб проводил фишки взглядом, и его слегка затошнило. Он медленно поднялся со стула.

– Уже уходите? – поинтересовался Долинский.

– Да, мне пора, – выдавил Глеб. – Есть кое-какие планы.

– Приятно было иметь с вами дело.

Корсак пробормотал в ответ что-то подходящее ситуации, затем попрощался с игроками и двинулся к выходу из клуба, чуть пошатываясь от пережитого потрясения.

Погода была скверная. Дул прохладный ветер, пахло сырыми листьями. Воздух был такой влажный и густой, что в нем могли бы плавать рыбы. Однако Глеб с жадностью вдохнул полной грудью, усаживая сердцебиение.

Возле машины Корсак остановился. На черном небе белели облака, похожие на разводы извести. Порыв ветра заставил Глеба поежиться и поднять ворот пальто.

– Корсак! – негромко окликнул его чей-то голос.

Глеб обернулся. Перед ним, сунув руки в карманы длинного черного пальто, стоял высокий широкоплечий мужчина. Расстегнутый ворот рубашки открывал мускулистую шею, которая уже начала заплывать жирком. Верзила смотрел на Глеба светлыми холодными глазами, лениво пожевывая зубочистку.

– Долинский уверен, что ты вовремя вернешь долг, – спо-

койно сказал он, в упор разглядывая Глеба.

– Само собой, – ответил Корсак.

– Если к понедельнику денег не будет, мне придется провести с тобой разъяснительную беседу.

Карие глаза Глеба сузились. Он смерил верзилу холодным взглядом и проговорил:

– А покалечиться не боишься?

Верзила вынул изо рта зубочистку, внимательно на нее посмотрел и вставил обратно.

– Смешно, – сказал он. – Слушай, Корсак, тебе не прет уже вторую. Какого хрена ты вообще играешь?

– Я бы объяснил, да ты все равно не поймешь.

– Ну да, куда уж мне, железноголовому. – Верзила усмехнулся. – Ты мне нравишься, парень. Люблю наглых и безбашенных. Но если придется переломать тебе ноги, я сделаю это без всяких угрызений совести. И не говори потом, что я тебя не предупреждал.

– Спасибо на добром слове.

– Наслаждайся.

Верзила выплюнул измочаленную зубочистку, повернулся и медленно зашагал в сторону клуба. Глеб смотрел ему вслед, пока тот не скрылся за дверью, потом отвернулся и крепко затянулся сигаретой. Вкус у нее был как у резины. Корсак швырнул окурок в лужу и забрался в машину.

Он ехал по ночному городу, по пустынной дороге. Ми-

мо проносились неоновые вывески баров и магазинов. Ярко освещенные рекламные билборды, изображающие длинноногих блондинок, давали представление о том, что жизнь не такое уж дерьмо, раз в ней есть такие прекрасные вещи, как мобильные телефоны, стиральные машины и струйные принтеры. В глянцевом мире все продавалось и все покупалось. Единственное, что требовалось, чтобы устроить себе райскую жизнь, – это деньги. Деньги...

Виктор Фаворский, тридцатидвухлетний хозяин ресторана «Ночная регата», неспешной походкой пересекал зал, кивая знакомым и приятелям, которых среди посетителей было подавляющее большинство.

«Ночная регата» считалась модной среди московской богемы – спивающихся художников, непризнанных поэтов, актеров средней руки, их любовниц и вечно пьяных подруг. С некоторыми из них Фаворский перебрасывался парой фраз, других просто одаривал радушной и приветливой улыбкой.

Природа наградила Виктора Фаворского замечательной внешностью. Зеленые глаза ресторатора смотрели спокойно и ласково. Мягко очерченные губы притягивали взгляды женщин не хуже витрины модного магазина (сигарета смотрелась в этих губах особенно элегантно). Одет ресторатор был в дорогой темно-синий костюм и шелковую рубашку, столь белую и чистую, что она пришлась бы кстати даже ангелу. Изящный галстук, повязанный двойным виндзорским узлом, смотрелся на нем так, как это возможно только на манекене в витрине дорогого столичного бутика. Когда Фаворский надевал очки, он становился похож на молодого преподавателя физики или на интеллигентного мерзавца из французских фильмов шестидесятых годов.

Зал ресторана был небольшим, но уютным. Красноватая

подсветка, мягкие стулья. У самой дальней стены пожилой музыкант, небрежно перебирая клавиши пианино, наигрывал что-то медленное и сентиментальное – словно полоскал пальцы в прохладной воде.

Двигаясь к выходу, Виктор заметил за одним из столиков журналиста из «Ресторанного рейтинга», сидящего в обнимку с поношенного вида блондинкой, губы которой были испачканы розовой пеной «маргариты». Ресторатор едва заметно усмехнулся, а проходя мимо столика, приостановился и поинтересовался:

– По работе или по зову души?

– По зову души, – с улыбочкой ответил журналист и, покосившись на блондинку, красноречиво облизнулся.

«Дать бы тебе, мерзавцу, по зубам», – подумал Фаворский, но вслух сказал спокойным, светским тоном:

– Приятного вечера.

Ресторатор двинулся было дальше, но вдруг застыл на месте с приоткрытым от удивления ртом: за столиком сидел журналист Глеб Корсак. Рубашка его была помята, галстук съехал в сторону, но Корсака это, похоже, нисколько не тревожило. В одной руке он держал дымящуюся сигарету, локоть другой небрежно закинул на спинку стула. На столе перед журналистом неровными рядами лежали игральные карты – Корсак раскладывал пасьянс.

Лицо Глеба, всегда напоминавшего Фаворскому странствующего рыцаря, было надменно приподнято, а взгляд глу-

боко посаженных карих глаз выражал глубочайшее презрение к миру. Фаворскому слишком хорошо был знаком этот взгляд. Он раз или два моргнул рыжеватыми ресницами, словно надеясь, что физиономия Корсака – это всего лишь галлюцинация, которая вот-вот растворится в воздухе. Однако та и не думала растворяться.

– Корсак? – выдохнул Фаворский, словно все еще отказывался верить своим глазам.

– Собственной персоной! – Глеб Корсак приветливо помахал ресторатору зажженной сигаретой. Затем указал на стул прямо напротив себя. – Присаживайся.

Фаворский сел. Корсак одним движением собрал со стола карты, спрятал их в карман пальто и внимательно посмотрел на ресторатора. Лицо у журналиста было безмятежным и светлым, как июньское небо, и Фаворский, посчитав это плохим признаком, нахмурил брови.

– Опять понадобились деньги? – спросил он.

Взгляд Корсака похолодел.

– С чего ты взял? – сухо и неприязненно спросил он.

Ресторатор усмехнулся:

– Ты вспоминаешь обо мне, только когда сильно прижмет.

Глеб смерил приятеля долгим взглядом и небрежно пожал плечами:

– Не вижу в этом ничего предосудительного. Ты – бизнесмен, я – игрок. Ты ведь и сам когда-то был таким. В прошлой жизни.

– Был, – согласился Фаворский. – Но моя нынешняя жизнь нравится мне гораздо больше.

– Это легко понять, – заметил Глеб, дымя сигаретой.

Во взгляде Фаворского не было холода, но также не было и тепла.

– Шесть лет назад я предлагал тебе стать моим партнером, помнишь? – сказал он.

– Еще бы. Тебе повезло, что я не согласился. Не видать бы тебе сейчас ресторана как своих ушей.

С полминуты они молчали. Корсак курил, при каждой за-
тяжке слегка откидывая назад темноволосую голову. Крас-
новатый свет лампы падал на его худую щеку и нос – тонкий,
с небольшой горбинкой, придававший журналисту сходство
с небольшой хищной птицей.

– Что, все действительно так плохо? – спросил наконец
Фаворский.

– На этот раз да, – ответил Глеб.

Рыжеватые брови ресторатора слегка приподнялись:

– Карты?

Глеб стряхнул с сигареты пепел и кивнул.

– Сколько? – поинтересовался Фаворский.

Глеб достал из кармана авторучку, намалевал на салфетке
цифру и придвинул ее к Виктору. Тот глянул на салфетку и
усмехнулся красными, мягко очерченными губами:

– Не так уж и много.

Глеб дернул плечом:

– Согласен. Но я совсем на мели. Сможешь помочь?

– При себе у меня таких денег нет, – задумчиво проговорил Фаворский. – Приходи завтра вечером, часов в семь. Сможешь?

– Да, – ответил Глеб. И сухо добавил: – Спасибо.

– И не забудь заплатить за выпивку, – сказал Фаворский, приподнимаясь со стула. Тут глаза его блеснули, как бывает у человека, в голову которому пришла неплохая идея, и он снова сел. Посмотрел на Корсака и сказал: – Слушай, Глеб, окажи мне ответную услугу.

– Для тебя все, что угодно, моя радость, – заверил Глеб.

– Дело, в общем-то, плевое. Можешь поддержать у себя пару дней одну вещицу?

– Вещицу? – Корсак почесал пальцем переносицу, изображая задумчивость. – Почему нет? Только если это не тот древний комод, который ты купил вчера на аукционе.

– Все-то ты знаешь, – усмехнулся Фаворский. – Не волнуйся, вещь небольшая. Это картина.

Темные брови Корсака слегка приподнялись:

– Картина?

Фаворский кивнул:

– Да.

– Гм... – Глеб снова почесал переносицу. – Надо полагать, дорогая?

– Не дешевая. «Автопортрет со смертью» Гильрена ван Тильбоха.

Карие глаза Корсака мягко замерцали, как у голодного кота, увидевшего кусок масла. Он присвистнул:

– Не слабо. Фламандский мастер? Век этак... семнадцатый? – Глядя на ресторатора, Глеб насмешливо прищурил глаза. – Ты не боишься, что я ее продам? А на вырученные деньги закачу куда-нибудь на острова с парой смазливых девчонок?

Ресторатор улыбнулся – даже не улыбнулся, а слегка обозначил улыбку кончиками мягких губ, – и ответил:

– Не боюсь. Ты один из немногих моих знакомых, у кого еще осталось представление о чести и совести.

– Звучит неплохо, – одобрил Корсак. – Продолжай в том же духе, и я расплачусь от умиления.

– Это так, хоть ты и паясничаешь, – сказал Фаворский. – Ты и по морде мне тогда смазал из рыцарских побуждений.

Глеб пожал плечами и спокойно произнес:

– Люди меняются.

– Но не ты, – тихо сказал Фаворский.

Глеб отвел взгляд, немного помолчал, разглядывая пепельницу, потом снова покосился на ресторатора, вздохнул и сказал:

– Так и быть, тащи своего фламандца.

– Только, пожалуйста, будь с ним осторожней.

– Не бойся. Создам для твоего Тильбоха все условия. Уступлю ему свою постель, а сам лягу на кушетку. Ты доволен?

– Вполне, – кивнул Фаворский.

Глеб Корсак сидел за широким письменным столом и сочинял рецензию на новый детектив. Глянцевый журнал, для которого рецензия предназначалась, платил вполне прилично, и, подстегиваемые алчностью и азартом, смуглые пальцы Глеба энергично бегали по клавишам компьютера.

Закончив очередной пассаж, Глеб откинулся на спинку кресла и сунул в рот сигарету. Металлическая зажигалка сухо щелкнула. Корсак сладко потянулся, затем взял пульт и сделал музыку погромче.

Мысли его снова вернулись к странной просьбе Фаворского и к картине, стоявшей на полу в прихожей. Однако, не желая отвлекаться от работы, Глеб решил проявить стойкость и даже не сорвал с Тильбоха упаковку.

Некоторое время журналист сидел в кресле, сжимая в руке стакан водки с тоником и лимоном и, прикрыв глаза, наслаждался игрой Телониуса Монка. Рваное, прохладное звяканье клавиш отлично ложилось на тихие звуки ливня, доносившиеся с улицы.

Затем, вдавив окурок в пепельницу, Глеб сходил в кухню и сделал себе еще один коктейль. Немного водки, немного тоника и много-много льда. Неплохо было бы сдобрить напиток лимонным соком, но пожухлая половинка лайма, валяющаяся на подоконнике в ожидании встречи с мусорным

ведром, для этих целей явно не годилась. Что ж, сойдет и так.

Вернувшись в комнату со стаканом в руке, Корсак снова сел за стол. Потягивая водку с тоником, взял с полки колоду карт, тщательно перетасовал и принялся раскладывать пасьянс. На несколько минут это занятие полностью его увлекло.

Бросив бубновую шестерку на семерку пик, Глеб удовлетворенно откинулся на спинку кресла и залпом допил коктейль. Настроение явно улучшилось. Он убрал карты на полку и, слегка помассировав пальцы, снова засел за работу. Еще несколько минут, и можно будет закончить.

По подоконнику монотонно постукивал дождь. Глеб мысленно перенесся в Венецию, где происходило действие романа. «Гондола рассекала черную воду лагуны, отражающую желтые фонари Fondamenta Nuove¹. Дул холодный ветер, и главные герои, парень и еще более юная девушка, испуганно жались друг к другу, поглядывая на молчаливого гондольера, с угрюмой методичностью орудовавшего страшным веслом. Жить им оставалось не больше пяти минут...»

Пальцы Глеба снова забегали по клавишам ноутбука.

«В сущности, потусторонняя атмосфера Венеции – со всеми ее дворцами, словно бы сотканными из воздуха, и зеркальными отражениями вместо теней – вполне соответствует тому уровню душевного смятения, которое...»

Закончить громоздкую фразу Глеб не успел: звонок теле-

¹ Одна из венецианских набережных.

фона отвлек его от работы. Корсак отъехал вместе с креслом от стола, снял трубку и прижал ее к уху:

– Слушаю.

– Глеб... – Голос Фаворского звучал из трубки взволнованно и хрипло. – Это Виктор. Никому не показывай картину, слышишь? И никому про нее не говори. Спрячь подальше и не доставай, пока я за ней не приеду.

– Как скажешь, – спокойно ответил журналист. – А что за канитель?

– Потом объясню. Никому, понял?

– Понял. Как насчет завтрашней встречи?

– Встречи?.. – Ресторатор выдержал паузу. – Все остается в силе, деньги ты получишь.

– Спасибо.

– Не за что. Спокойной ночи.

– И тебе того же.

Глеб брякнул трубку на рычаг. Задумчиво почесал пальцем горбинку на носу. Что еще за фокусы? С какой стати счастливчик Фаворский так переживает из-за картины?

Перед глазами у Корсака встала самодовольная физиономия ресторатора. Восемь лет назад тот был шустрым рыжим малым, старостой факультета, членом профкома и тому подобное. За восемь лет Фаворский заматерел, приобрел лоск и превратился в респектабельного бизнесмена, мецената, «коллекционера предметов роскоши» и любителя подводной охоты.

(Год назад Глеб писал заметку для журнала «Путешественник». Какая-то несчастная рыбина – не то барракуда, не то мурена – оказалась настолько глупой, что подставила бок под прицел подводного ружья Фаворского, и столичный журнал не мог не откликнуться на это феноменальное событие пространным очерком.)

Корсак снова придвинулся к столу. Включив радио, он стал вращать ручку настройки, пока не поймал «Радио-джаз». Из динамиков понеслись насмешливые и вычурные звуки трубы неунывающего Лестера Боуи.

Глеб ткнул окуроч в пепельницу и продолжил работу.

Ночью Корсак долго не мог уснуть, все прокручивал в голове разговор с Фаворским. Он вспомнил взволнованный голос ресторатора и вообразил себе его лицо – бледное, с лихорадочно поблескивающими глазами и с тонкой, едва обозначенной улыбкой, более уместной на физиономии мертвеца.

Фаворский напуган – это ясно как божий день. Однако все, что Глеб до сих пор знал о своем бывшем однокашнике, доказывало, что этого человека не так-то легко напугать. Видимо, дело в картине. Что-то с ней не так.

Время от времени Глебу в голову приходила мысль сорвать упаковку, но каждый раз он сдерживал себя. Внутренний голос подсказывал, сделай он так – и назад пути не будет, он окажется замешанным во что-то, чего благоразумному человеку полагается избегать. И тогда уже бледнеть при-

дется ему, а не Фаворскому. Как тогда давно...

Воспоминание о драке, случившейся восемь лет назад, потянуло за собой другие – те, с которыми Корсак боролся много месяцев, даже лет, прежде чем смог окончательно выкинуть из головы. Высокая темноволосая девушка с темными губами. Тонкие запястья, украшенные изящными золотыми браслетами. Девушка удивленно и недоверчиво смотрела на Глеба, затем запрокидывала голову и весело смеялась, сверкая белоснежными зубами.

Сколько времени ушло, чтобы убить память! А теперь они снова норовили овладеть воображением Глеба и отравить ему жизнь. Часов до трех Корсак ворочался в постели, вздыхая и злясь на себя за свою слабость. Потом уснул.

Ресторатор Виктор Фаворский с самого утра чувствовал себя неважно. Впрочем, недомогания мучили его всю последнюю неделю. Были они особого свойства: не относились к телу Фаворского, но были связаны с его душой. Все эти дни, преимущественно под вечер, на него вдруг накатывал беспричинный страх. Сердце, о существовании которого ресторатор прежде лишь догадался, колотилось в его груди неровными, судорожными толчками, как пленник, который пытается выбраться из темницы и почем зря колошматит кулаками по двери.

Пожалуй, все началось в прошлый понедельник, когда, стоя в автомобильной пробке, Фаворский обратил внимание на продавщицу придорожного овощного киоска. Он видел, как она нагнулась за овощами, как стучала пальцами по клавишам кассового аппарата, как упаковывала овощи в пакет, как получала с покупателя деньги и отдавала сдачу. Монотонные движения, с которыми справилась бы даже обезьяна.

Когда подошел следующий покупатель, Фаворский, от нечего делать, засек время. Цепочка доведенных до автоматизма движений заняла у продавщицы около четырех минут.

«Сколько раз в день она это делает? – подумал Фаворский. – Тридцать? Значит, больше двух часов. В неделю – около десяти. В год – пятьсот. Гм... Ведь это больше месяца.

И на это уходит человеческая жизнь?.. А сколько раз в течение жизни мы чистим зубы, надеваем и снимаем трусы, моем, моем грязную посуду, валяемся на солнце без единой мысли в голове? Все эти минуты складываются в месяцы и годы».

И тут, совершенно ни с того ни с сего, Фаворского охватило тоскливое отчаяние. Ему вдруг показалось ужасно нелепым то, чем он занимается. Тратить по двенадцать часов в день на то, чтобы сотня-другая мерзавцев могла набить себе брюхо? Об этом ли он мечтал, когда был подростком? Для этого ли родился? В конце концов, чем его жизнь отличается от существования какой-нибудь коровы? Только тем, что он способен испытывать отчаяние, осознавая бессмысленность существования? Какая гнусность.

Приехав домой, ресторатор окончательно впал в депрессию и не выходил из нее до тех пор, пока литровая бутылка джина, с которой Фаворский сражался полтора часа кряду, не отправила его в нокаут.

Встав утром с головной болью и расшатанными нервами, ресторатор дал себе слово заехать к врачу. И непременно заехал бы, если бы не лавина дел, обрушившаяся на него в последние дни. Тут необходимо отметить две странности. Дело в том, что Виктор Фаворский обладал железным здоровьем и никогда ничем не болел. Каждое утро он пробегал по три километра в ближайшем парке, а по средам и пятницам ходил в тренажерный зал и «качал железо» до тех пор, пока

серая футболка не становилась черной от пота.

Другая странность заключалась в том, что на работе Фаворский чувствовал себя превосходно. Был, что называется, в тонусе. Но стоило ресторатору переступить порог квартиры, как самочувствие резко ухудшалось. Борясь с недомоганиями, Фаворский увеличил ежедневную дозу мультивитаминов, а кроме того, стал пить меньше черного кофе, заменив вечернюю чашку стаканом апельсинового сока. Однако не помогло.

Дня три назад ресторатор вдруг стал замечать, что беспокойство охватывает его в те минуты, когда он подходит к одной из своих картин. Это была работа фламандского художника XVII века Гильрена ван Тильбоха. Называлась она «Автопортрет со смертью». В последние дни ресторатор не мог смотреть на нее, не испытывая нервозности. Он пытался объяснить себе это усталостью и нервным переутомлением. Но странное дело – бегая по делам, Фаворский и думать не думал об усталости. Лишь дома проклятая картина вновь камнем ложилась на его душу. К этому прибавлялось беспокойство иного рода, однако тоже связанное с картиной. Оно касалось некой неприятной личности, существование которой угрожало существованию картины. Но об этом Фаворский предпочитал до поры до времени не думать.

Каждый вечер непонятно откуда взявшаяся депрессия повергала Фаворского в странное элегическое настроение и выживала из памяти лавину тревожных, полузабытых воспо-

минаний. Ресторатор сидел в кресле перед камином, угрюмый и растрепанный, со стаканом джина в руке, и мрачно смотрел на работу Тильбоха. Память прокручивала перед ним видения из прошлого – одну омерзительней другой, словно машина времени, изобретенная каким-нибудь садистом.

Вот он бьет кого-то по лицу. Вот достает деньги из кармана отцовского пальто. Вот, под дружный хохот одноклассников, пинает под зад нищего старика, собирающего бутылки.

«Господи... А ведь я и не думал, что помню об этом», – размышлял Фаворский, запивая тоску очередным глотком неразбавленного джина.

Среди прочего вспомнилось и отвратительное эротическое приключение, случившееся с Фаворским в пору его юности. Судорожное биение хрупкого тела, маленький, мокрый рот, зажатый его ладонью, тихие всхлипывания... Вспомнилось Фаворскому и еще кое-что, о чем он с удовольствием забыл бы, но вернувшееся ощущение мокрого рта и звук невыносимого плача были самыми отвратительными.

Допив джин и вновь наполнив стакан, ресторатор посмотрел на маленькую иконку с изображением Калужской Божьей Матери, стоящую на стеллаже, и неумело перекрестился.

– Прости меня, Господи, за все гадости, которые я сделал, – проговорил он пьяным голосом. Затем икнул и на всякий случай сплюнул через левое плечо. (Вид иконы или кре-

ста всегда вызывали в нем суеверную тревогу и непреодолимое желание сплунуть и постучать по дереву.)

Проделав эту процедуру, Фаворский перевел взгляд на «Автопортрет со смертью».

– Так как, Тильбох? – с пьяной усмешкой спросил он у бородатого мужчины, изображенного на картине. – Смерть-то с натуры рисовал? Или дал волю воображению? – Фаворский хрипло засмеялся. – Ладно, не парься. Шучу я... Ну давай, за тебя!

Он отсалютовал стаканом и выпил.

Так закончился еще один день. А на следующий – в «Ночную регату» заглянул Глеб Корсак. Фаворский как раз перевез Тильбоха в свой рабочий кабинет. Ресторан хорошо охранялся, а в кабинете имелся надежный сейф. (Чтобы запихать туда картину, пришлось вынуть ее из рамы.) Однако, даже когда Тильбох оказался в сейфе, спокойней на сердце у Фаворского не стало: слишком многие в городе знали об этом сейфе. А если в природе существует место, куда что-то прячут, то существует и человек, который может это найти, обойдя все препоны и преграды.

Глеб Корсак переступил порог «Ночной регаты» в недобрый час и рисковал нарваться на неприятности. Но, во-первых, ресторатор умел управлять своими эмоциями. А во-вторых, хотя Корсак был самым заносчивым типом из всех, кого знал Фаворский, он был неглуп и честен. Несколько раз Корсак давал Фаворскому чрезвычайно дельные советы, бла-

годаря которым «Ночная регата» вот уже пятый год подряд не выпадала из «обоймы» самых модных заведений города.

Мысль отдать Тильбоха на хранение журналисту посетила Фаворского неожиданно. И понравилась ресторатору. В самом деле, отдав картину Корсаку, можно было бы убить двух зайцев сразу: обезопасить ее – хотя бы на пару дней, и избавиться от связанного с ней мучительного наваждения. А за пару дней можно разобраться с делами, собраться с мыслями и придумать что-нибудь действительно стоящее. Сказано – сделано.

Избавившись от картины, Фаворский в первый раз за последние дни почувствовал облегчение. За сохранность Тильбоха он почти не беспокоился, поскольку в глубине души был фаталистом и верил: Корсака ему послала сама судьба.

Вечером Фаворский сидел у себя в гостиной перед камином, в котором весело потрескивали березовые поленья, с бокалом красного вина в руке, закинув босые ноги на бархатный пуфик, – сидел и думал, как славно все получилось. Через пару дней он решит проблемы и вплотную займется Тильбохом.

Подумав о картине, Фаворский перевел взгляд от объятых пламенем поленьев на толстый гвоздь, торчавший из стены. Затем сделал хороший глоток. Молодое итальянское вино прохладной волной прокатилось по пищеводу. Фаворский взболтнул бокал, поднес его к носу и блаженно улыбнулся. Аромат прекрасный.

Вдруг ему почудился другой запах – что-то вроде помеси мускуса и сухой травы. Этот запах не мог принадлежать вину. Он вообще не мог принадлежать ни одной вещи в квартире. Потому что так могло пахнуть только *живое существо*.

– Что за черт? – испуганно проговорил Фаворский, смутно припоминая, что чувствовал странный запах всю последнюю неделю. Только сейчас он был особенно насыщенным, словно его обладатель подошел совсем близко.

Близко? Фаворский медленно повернул голову и посмотрел на дверь, ведущую в прихожую. Сердце его учащенно забилось. Странный запах усилился. В прихожей послышался тихий шорох.

– Этого не может быть, – тихо сказал себе Фаворский. – Я закрывал дверь, точно помню.

Он достал из ящика стола револьвер, встал с кресла и прошел в прихожую. В прихожей, как и следовало ожидать, никого не было. Фаворский вернулся в кабинет и положил револьвер обратно. Ненадолго задумался, протянул руку к телефонной трубке.

– Глеб... Это Виктор. Никому не показывай картину, слышишь? И никому про нее не говори. Спрячь подальше и не доставай, пока я за ней не приеду...

Переговорив с журналистом, ресторатор слегка успокоился. Но стоило ему сесть в кресло, как прежние страхи вернулись. Теперь он совершенно отчетливо услышал шорох. Скрипнула паркетина... На стену упала тень... Фаворского

прошиб пот.

– Дьявол... – хрипло прошептал он, приподнимаясь с кресла.

И в следующее мгновение понял, что оказался прав.

Утро выдалось солнечным. От ливня, бушевавшего ночью, не осталось и следа. Выспаться Глебу так и не удалось, и сейчас, ставя кофеварку на плиту, он пребывал в довольно мрачном расположении духа.

Терпкий аромат мокко немного приободрил Корсака, а с первым глотком из тела ушла вялость, да и в голове у вольного стрелка прояснилось настолько, что он вновь обрел способность соображать.

Потягивая кофе, Корсак включил телевизор и стал смотреть на беззвучно шевелящиеся губы телеведущего. Комично подергивающийся рот, не издававший не звука, выражал самую суть телевидения – картинка, не имеющая ни особого значения, ни особого смысла. Визуальная жвачка для разума, давно отвыкшего от настоящих усилий и не способного ни на что, кроме ежедневного переливания из пустого в порожнее.

Начался блок криминальных новостей, и Глеб, следуя профессиональному инстинкту, собрался прибавить звук. Но едва он взялся за пульт, как в дверь позвонили. Глеб удивленно посмотрел на часы: девять тридцать. Какому кретину взбрело в голову ходить по гостям в такую рань? Он нехотя поднялся с дивана и пошел открывать дверь.

На пороге стояли двое. Первый был невысок и коренаст,

с лысоватой головой и лицом, похожим на старый потертый циферблат. «Стрелками» служили длинные седые усы, уныло опущенные на полшестого. Гость был одет в серое невзрачное пальто, и лицо имел такое же невзрачное. Глебу он был, к сожалению, знаком. Его напарник был молод, подтянут и серьезен. Благодаря очкам в изящной металлической оправе и блеску в глазах он был похож на старшекурсника престижного столичного вуза.

Усатый посмотрел на Корсака грустными бульдожьими глазами и сказал:

– Пустишь или так и будем топтаться?

– Входите, – сказал Глеб и посторонился, давая мужчинам войти.

Молодой тут же завертел головой, знакомясь с обстановкой, а усатый пристально посмотрел на Глеба, пригладил ногтем большого пальца правый ус и спросил:

– Знаешь, зачем мы пришли?

– Нет, – ответил Глеб.

– Что, даже предположений нет?

– Захотели выпить по чашечке кофе, а денег, чтобы пойти в кофейню, не хватило?

– В точку, – сказал усатый.

Глеб усмехнулся:

– Топайте в комнату и располагайтесь поудобнее. Я сейчас.

– Мы сюда не кофе пить пришли, – строго произнес мо-

лодой.

– Ничего не поделаешь, придется выпить, – сказал Корсак. – Я не привык отпускать гостей без угощения.

Мужчины прошли в комнату, а Глеб отправился на кухню. Ставя кофеварку на плиту, он слышал, как гости о чем-то тихо переговариваются, но не смог уловить ни слова. Как только Корсак внес в комнату поднос с тремя чашками кофе, мужчины замолчали.

Молодой оперативник снова завертел головой, с любопытством, а иногда и с удивлением разглядывая висевшие на стенах фотографии и постеры. Усатый, напротив, сидел в кресле с видом человека, которого ничем нельзя удивить. Набрякшие веки, толстые щеки, тщательно зачесанная лысина, круглые, красноватые глаза – все в его внешности говорило о несладкой жизни, которую приходится вести старшему оперуполномоченному уголовного розыска.

– Как кофе? – поинтересовался Глеб.

– Нормальный, – ответил усатый, прихлебывая из своей чашки.

Молодой не проронил ни слова и к кофе не притронулся. Пожилой вытер платком густые усы и приступил к разговору.

– Давно ты виделся с Фаворским? – спросил он Глеба.

– А что?

– Отвечай на вопрос: давно или нет?

Корсак секунду поразмыслил и ответил:

– Недавно.

– Когда именно?

– Вчера вечером. Я заходил к нему в ресторан.

– Зачем?

– Странный вопрос, майор Шатров. Зачем вообще ходят в ресторан? Выпить и закусить.

Молодой оперативник посмотрел на напарника, затем перевел взгляд на Корсака, поправил пальцем очки и сказал:

– Свидетели утверждают, что вы довольно долго беседовали. Это так?

– Я бы не назвал это беседой, – сказал Глеб. – Просто перекинулись парой слов.

– О чем?

– О том да о сем. «Как дела», и все такое.

– И как? – спросил усатый.

– Что «как»?

– Как твои дела?

– Нормально, – сказал Глеб.

Усатый, не сводя пристального взгляда с Глеба, медленно покачал головой:

– Нет, Корсак. Дела твои хреновые. Сразу после твоего ухода Фаворский поехал домой, а дома взял да и помер. Вот и выходит, что ты последний, с кем он разговаривал.

Чашка замерла у губ журналиста. Некоторое время он ту-по смотрел на усатого, потом отвел взгляд, сделал маленький глоток, почмокал губами, снова рассеянно посмотрел на усатого и только после этого сказал:

– Плохая новость.

Тот холодно усмехнулся:

– Куда уж хуже. Так ты не знал?

Глеб покачал головой:

– Нет.

– Об этом все утро в новостях трубят, – сказал молодой оперативник.

Глеб пропустил его реплику мимо ушей и спросил, обращаясь к усатому:

– Отчего он умер?

Тот вздохнул и ответил:

– Пока неизвестно. Так о чем вы говорили?

Глеб пожал плечами:

– Да, в общем, ни о чем. Он сказал, что скучает по университетским друзьям. Сказал, что неплохо было бы увидеться и пропустить по рюмочке. Договорились, что на выходные созвонимся и встретимся где-нибудь в баре. Вот, собственно, и все.

– Уверен?

Глеб кивнул:

– Абсолютно.

– Ладно. – Усатый одним глотком допил кофе, поставил чашку на стол и тяжело поднялся с кресла.

– Что, все? – удивленно спросил его молодой оперативник.

– А чего ты еще хочешь? На детекторе лжи его проверить?

Молодой повернулся к Глебу. Глаза, спрятанные за стеклышками очков, смотрели ясно и холодно.

– Еще один вопрос, Корсак, – сказал он. – В каких отношениях вы были с Фаворским? Майор рассказывал, что когда-то он увел у вас девушку. Это правда?

Глеб посмотрел на усатого. Тот смущенно кашлянул в кулак, потом положил ладонь на плечо молодому и сказал:

– Нам пора.

Молодой нахмурился, однако послушно встал с кресла. Вид у него был разочарованный.

– Спасибо за кофе, Корсак, – сказал усатый.

В прихожей он остановился у открытой двери и сказал выходящему напарнику:

– Подожди меня в машине. Я сейчас.

Когда молодой вышел, он притворил дверь и повернулся к Корсаку:

– Вы и правда не обсуждали никакие дела?

– Правда, – ответил Корсак. – Просто потрепались по-приятельски, и все. Что с ним случилось?

Майор Шатров, а именно так звали усатого, вздохнул и сказал:

– До конца еще неясно, но на насильственную смерть не похоже. Эксперт предполагает инфаркт.

– Кто его нашел?

– Уборщица. Мыла коридор и увидела, что дверь в квартиру приоткрыта. Позвонила – никто не ответил. Она вошла.

И знаешь... лучше бы она этого не делала.

Глеб вопросительно посмотрел на майора.

– Зрелище не для слабонервных. Ужасное, одним словом, – пояснил тот. – Фаворский сидел в кресле, мертвый, а лицо у него было такое, будто он привидение увидел. Да и сам выглядел не лучше. Уборщица, понятное дело, завопила. Соседи слышали крик и вызвали милицию. Поверь на слово, Корсак, если б ты его увидел, ты бы тоже завопил.

Шатров достал из кармана сигареты. Корсак дождался, пока он прикурит, и спросил:

– Что значит – ужасное зрелище?

– А то и значит, – сказал майор, выпустив изо рта бесформенный клуб дыма. – Глаза выкатились из орбит, а физиономия... не знаю даже, как объяснить. Ну как будто бы су-дорогой свело. Ты не поверишь, но я сам чуть в штаны не наделал, когда увидел.

Глеб обдумал слова оперативника и уточнил:

– Следов насилия нет?

Шатров покачал головой:

– Никаких. И следов борьбы тоже. В квартире идеальный порядок. Мы жену его вызывали... Говорит – ничего не пропало. – Глаза майора затуманились, на губах появилась усмешка: – Красивая баба... Уж я бы такую не отпустил.

Корсак качнул головой, словно вышел из забытья, и недоуменно спросил:

– В каком смысле?

– Ну они ведь в разводе, – пояснил Шатров.

– А, ну да, – кивнул Глеб. – А как с отпечатками пальцев? Сыщик махнул сигаретой:

– Все чисто.

– И что теперь? Дело закроют?

– Думаю, да. Инфаркт, и взятки гладки. Мы и к тебе-то для проформы зашли. Какая, к черту, разница, с кем Фаворский беседовал перед смертью? – Тут Шатров кашлянул в кулак и как-то странно покосился на Корсака. – К тому же, думаю, вдруг тебе информация пригодится. Ты же и для криминальной колонки пишешь?

– Уже не пишу, – сказал Глеб.

Шатров вздохнул:

– Жаль. Ладно, пойду. А то мой топтун меня уже заждался. Звони, если что.

Повернувшись к двери, сыщик легонько ткнул носком ботинка в прямоугольный сверток, стоящий у двери, и спросил:

– Переезжаешь?

– Перевожу к брату кое-какие вещи, – ответил Глеб.

– Давно пора избавиться от хлама. Вся квартира им завалена. Ну бывай.

Закрыв за сыщиком дверь, Глеб потер пальцами лоб, словно надеялся подтолкнуть мысли в нужное русло. Знаменитый коллекционер, владелец трех ресторанов и двух десятков картин Виктор Борисович Фаворский мертв. Умер от разрыва сердца, сидя в собственном кресле. Это тянуло на

сенсацию.

Глеб прошел в комнату. Хлам, о котором говорил майор Шатров – это книги, атласы, путеводители и наборы открыток, которыми были завалены стол, тумбочка и полки. На столе в беспорядке валялись компакт-диски. Бад Пауэлл, Лестер Боуи, Джон Колтрейн, Стив Лэси вперемешку с классикой – скрипичными концертами Вивальди, «Музыкальным подношением» Баха. Отдельно лежали два диска Игоря Стравинского – «Регтайм для одиннадцати инструментов» и «Canticum Sacrum», на обложке которого красовался великолепный крылатый венецианский лев, положивший лапу на Евангелие от Марка. Такой же лев, только отлитый из бронзы, хмуро выглядывал из-за початой бутылки водки, стоявшей на барной полке.

Телевизор все еще работал. Взяв пульт, Корсак прибавил звук и принялся прыгать с канала на канал в поисках криминальных новостей. Он попал на самое окончание репортажа. Майор Шатров, в сером мятом плаще и с таким же серым и мятым лицом, сухо говорил:

– Результаты визуального осмотра тела Фаворского и первичной аутопсии указывают на смерть от сердечного приступа. Это все, что я могу сообщить на данный момент.

Одутловатое лицо майора исчезло. Затем на экране появилась высокая темноволосая женщина в светлом пальто. Она вышла из подъезда в сопровождении двух милиционеров. Глаза ее были скрыты за темными очками.

Корреспондент засеменил рядом.

– Госпожа Фаворская, что теперь будет с коллекцией вашего бывшего мужа?

– Без комментариев, – бросила женщина через плечо и скрылась в бежевом «Пежо».

На этом репортаж закончился.

Глеб сел в кресло и запустил пятерню в волосы. Дело и впрямь пахивало сенсацией. Эх, Витя, Витя, как же ты умудрился помереть? И таким молодым. Все считали тебя жутко удачливым сукиным сыном, настоящим счастливымчиком. А теперь ты лежишь на железном столе морга, и опухший после бурного воскресенья патологоанатом роется в твоих внутренностях, роняя на них пепел со своей вонючей сигареты.

Посидев пару минут в задумчивости, Корсак протянул было руку к телефонной трубке, но передумал. Вместо этого он взял со столика колоду карт, перетасовал, положил колоду на левую ладонь и тихо произнес – словно заклинание:

– Крести.

Выждав несколько мгновений, будто для того, чтобы магическое слово достигло ушей того, кому предназначалось, Корсак снял с колоды верхнюю карту и перевернул. Бубновый валет. Корсак чертыхнулся, швырнул колоду на стол и взялся за телефон.

Голос секретарши был мелодичным и приветливым:

– Добрый день! Я вас слушаю!

– Здравствуйте. Могу я поговорить с Туруком?

– Как вас представить?

– Глеб Корсак.

– Одну секунду.

В трубке заиграла тихая музыка.

– Ког'сак, вы? – Голос у главного редактора «Последних вестей» Турука был хриплый и картавый, как у старого ворона.

– Здравствуйте, Валерий Николаевич!

– Добг'ый день. Давненько вас не было слышно. Зная, что пг'осто так вы никогда не звоните, пг'едполагаю, что у вас для меня есть что-то жутко интег'есное?

– Дело касается смерти коллекционера Фаворского, – сказал Глеб.

Возникла пауза. Затем Турук сдержанно произнес:

– Боюсь, тема не пг'едставляет для публики особо интег'еса. Если не ошибаюсь, Фавог'ский умег от обыкновенного инфаг'кта.

– Угу. – Корсак иронично хмыкнул. – Если верить официальной версии.

– А что, есть и неофициальная? – удивился Турук.

– Неофициальная версия есть всегда, – заметил Глеб. – Что, если я добуду вам доказательства связи Фаворского с черным рынком произведений искусств?

Турук помолчал, обдумывая предложение Корсака, затем сказал:

– Вы считаете, его убили из-за этого?

– Возможно.

– Гм... Если вы сумеете это доказать, я помещу вашу статью на пег'вую полосу и заплачу в пять г'аз больше обычно. А что, у вас и пг'авда есть доказательства?

– Более-менее, – уклончиво ответил Глеб.

– Темните, Ког'сак, – вздохнул Турук. – Ладно. Как только что-нибудь откопаете, сг'азу звоните. И помните – никто не заплатит вам столько, сколько я.

– Ловлю вас на слове.

После разговора с Туруком настроение у Глеба улучшилось. Он ощутил что-то вроде охотничьего азарта. Должно быть, то же самое чувствовал и отец Корсака, старый охотник, когда совал в карман только что полученную лицензию на отстрел волков. Свежие отпечатки волчьих лап, рваный галоп серых хищников по сугробам, пар из оскаленных клыкастых пастей...

Глеб включил проигрыватель и, покопавшись в пластинках, выбрал один из ранних концертов Майлза Дэвиса. Под музыку он соображал лучше. Затем, услышав холодно-тревожное завывание трубы, перенес сверток из прихожей в комнату. Аккуратно снял с картины оберточную бумагу и поставил ее на диван. Сам сел в кресло напротив.

Картина представляла собой доску, сделанную из двух скрепленных дубовых плашек, примерно пятьдесят на восемьдесят сантиметров. Глеб не слишком хорошо разбирался в живописи, но то, что художник принадлежал к фламандской школе, было ясно как день. Четкие линии, тщательно прорисованные детали, усложненная композиция. Сюжет картины был необычным и даже жутковатым. За столом, подперев щеку ладонью, восседал чернобородый мужчина в синем камзоле. Напротив него, совершенно в той же позе, сидел скелет. На столе между ними лежали два предмета: толстая книга и большой ключ. На переплете книги виднелась надпись, сделанная строгим романским шрифтом без пробелов:

ULTIMAMCOGITA

Бородатый мужчина показывал пальцем на ключ. А скелет, по-видимому, возражая ему, указывал на противоположную стену. На ней висели две картины. Прорисованы они были самым тщательным образом. На одной изображалась группа женщин – судя по одежде, простолюдинки, кухарки или что-нибудь в этом роде. Они испуганно озирались по

сторонам и морщили лица, зажимая пальцами носы.

Вторая была поинтересней. За столом, уставленным ретортами и колбами, сидел вполоборота человек, одетый в монашескую сутану. Голова его была накрыта капюшоном, бросающим тень на верхнюю часть лица. Различался взгляд мерцающих глаз монаха, направленный в угол комнаты. Там в клубах желтоватого дыма смутно угадывался силуэт кого-то существа. Рядом со столом монаха стояли большие напольные часы без стрелок.

Глеб откинулся на спинку кресла и задумчиво почесал пальцем горбинку на носу. Из названия картины недвусмысленно следовало, что бородатый мужчина – это, собственно, и есть художник Тильбох. Он пытается в чем-то убедить смерть или же переспорить ее. И в качестве основного аргумента указывает на ключ. Смерть же апеллирует к двум картинам, висящим на стене.

Перетряхнув обильные закрома своей журналистской памяти, Глеб припомнил, что в переводе с латыни *Ultimam* — это «последний», а *cogita* – «думай». Значит, выражение *Ultimam cogita* означает что-то вроде «думай о последнем». О последнем часе своей жизни, надо полагать.

Глеб снова уставился на картину, пытаясь вникнуть во всю эту странную символику – ключ, книга, часы без стрелок. Ну, допустим, с часами без стрелок все понятно. Вряд ли они обещают художнику долгую счастливую жизнь. Скорей наоборот: век его исчислен, и времени на то, чтобы что-

то исправить, у него уже не осталось.

А вот что делают на столе ключ и книга? Книга – это, скорей всего, Священное Писание. Тэк-с...

Глеб стряхнул с сигареты пепел, склонился к картине, уперев локоть в колено, и оперся подбородком на кулак. Забавные все-таки были люди эти фламандцы. Две картины внутри одной. Принцип матрешки. Что за маниакальное желание уместить на куске холста или дерева весь окружающий мир?

Глеб глубоко затянулся. Сигарета обожгла ему губы. Он чертыхнулся и вмял окурок в пепельницу. Затем осторожно потрогал пальцем обожженную губу и, не найдя серьезных повреждений, снова принялся разглядывать картину. Вернее, те две работы, которые висели на стене в виртуальном пространстве, созданном Тильбохом.

Монах, изображенный на одной, по всей вероятности, был алхимиком. Пытался создать философский камень или превратить ртуть в золото, ну, или еще что-нибудь в этом роде. Надо полагать, угробил на это большую часть жизни, не говоря уже о средствах. Вот бедолага-то. Хотя... Как знать, может, ему и удалось? Самые главные тайны человечества остаются нераскрытыми, даже много столетий спустя.

Оставив монаха в покое, Глеб перевел взгляд на кухарок. С чего бы это вдруг им зажимать пальцами носы? Вид у женщин простоватый. Наверняка им не привыкать к сильным и резким запахам. Что за непереносимая вонь заставила их

сморщиться? Вопросы, вопросы, вопросы...

Однако прежде всего нужно было решить, что делать с картиной. Глеб закурил новую сигарету и глубоко задумался. Потом посмотрел на телефон. Он явно медлил с решением... Может, не стоит? Вдруг чувство, о котором он почти забыл, вспыхнет с новой силой, как это бывает в дамских романах?

Корсак перевел взгляд на свое отражение в стеклянной дверце шкафа и иронично скривился. Чепуха! Сейчас он уже не тот неуклюжий щенок, каким был восемь лет назад. Если в тридцать лет мужчина все еще не научился управлять эмоциями, то грош ему цена.

Корсак решительно взялся за телефонную трубку.

Если вы хотите найти в Москве место, где нет суеты и спешки, куда не проникают звуки внешнего мира и где вас всегда рады видеть (при условии, что у вас в кармане завалялась хотя бы пара сотен рублей), езжайте во Владыкино. Выйдите из метро и, закулив сигарету, топайте прямо к гостинице «Алтай». Обогнув гостиницу, увидите перед собой ярко освещенную дверь, над которой красуется вывеска с четко выведенным контуром рояля. А большие синие буквы, словно в подтверждение правдивости рисунка, гласят – «Джаз-клуб «Белый рояль».

Смело открывайте дверь и входите. Несколько ступенек вверх, и вы окажетесь перед еще одной дверью. За ней вас ждет уютный маленький мирок, из которого вы точно не захотите никуда уходить. Именно здесь и сидел наш герой Глеб Корсак, с душевным трепетом ожидая встречи, которой так тщательно избегал последние восемь лет.

Ни пьяной болтовни, ни грубых выкриков. Тихое, уединенное место, куда приводят не жен, но исключительно любовниц.

Глеб стряхнул с сигареты пепел, скользнул взглядом по стеклянной двери, затем снова поглядел на большой плазменный экран. Рыжая Нэнси Синатра, похожая на кошку-переростка, задушевным, вкрадчивым голосом мурлыкала

ла свою знаменитую «Bang-bang».

«Bang, bang, you shot me down...» «Бах-бах». Вот ты меня и пристрелил. «Милая песенка», – усмехнулся Корсак, потягивая пиво из высокой стеклянной кружки.

На последних аккордах песни в клуб вошла молодая женщина в светлом пальто и темных очках. Обежав взглядом зал, она двинулась к столику, за которым сидел Корсак. Завидев ее, журналист поднялся со стула.

– Глеб, – выговорила женщина, подходя к столику и протягивая ему обе руки. – Глеб!

– Здравствуй! – Лицо журналиста, обычно бесстрастное, дрогнуло, и по его жестко очерченным губам скользнула улыбка.

Глеб сжал ладони женщины в своих пальцах, и она, смеясь, поцеловала его в щеку. Несколько секунд они разглядывали друг друга, затем Глеб, словно опомнившись, отодвинул свободный стул и сделал приглашающий жест.

Сев на стул, женщина сняла темные очки и сунула их в карман пальто, а потом улыбнулась.

С болью в сердце Глеб отметил, что она по-прежнему хороша собой, но теперь по-другому. Лицо осталось таким же породистым, но слегка осунулось. Мягкая линия губ стала четче, строже и элегантней, а застывшая сдержанная улыбка была улыбкой женщины, знающей себе цену. Вот только карие глаза совершенно не изменились. Большие, спокойные и такие глубокие, что на дне их могли обитать самые неверо-

ятные чудовища – столь же изящные, сколь и смертоносные.

– Если бы ты знал, как я рада тебя видеть, – улыбаясь, проговорила Ольга, не сводя с Глеба сияющих глаз. – После всех этих лет... Рассказывай. Как поживаешь?

Глеб смотрел на женщину как завороченный, не в силах оторвать взгляда от ее тонкого лица, и не мог произнести ни слова.

– Что же ты молчишь? – весело спросила она.

– Прости... – Глеб с усилием отвел глаза. – У меня все хорошо. Живу, работаю. Обычная жизнь, ничего сверхъестественного.

– А как твои фотографии? Ты все еще этим занимаешься?

– От случая к случаю, – нехотя ответил Корсак. – Оля, извини, что позвал тебя сюда. Наверно, не вовремя.

Женщина тряхнула волосами:

– Ничего страшного. Твой звонок отвлек меня от грустной суеты. Слушай, давай что-нибудь закажем, а? Умираю с голоду.

– Конечно.

С полминуты она листала страницы меню, потом с досадой проговорила:

– Небольшой выбор... Ты бывал здесь раньше?

– Много раз.

– Порекомендуй что-нибудь. Только чтобы порция была большая. Я так голодна, что могу съесть целого коня.

Глеб улыбнулся:

– Боюсь, что коней здесь не подают. Даже морских. Пожалуй, тебе стоит взять «Царскую охоту».

– Это вкусно?

– Мне нравится.

Пока Ольга делала заказ, Глеб разглядывал ее лицо.

– Я сожалею, что с Виктором все так случилось, – сказал он, когда официант отошел от столика.

– Случилось и случилось, – спокойно ответила Ольга. – К чему сокрушаться? С того света его все равно не вернешь. У тебя есть зажигалка?

Ольга прикурила, помахала рукой у лица, отгоняя дым, и продолжила:

– Говорят, он умер еще вечером и всю ночь сидел один – мертвый, в пустой квартире, в полной темноте. Страшно даже представить.

– Не забивай себе этим голову, – сказал Глеб.

Ольга нервно усмехнулась:

– Легко тебе говорить. Ты же там не был.

Подошедший официант поставил перед Ольгой бокал «порто», перед Глебом – кружку пива.

– Глеб, я так рада тебя видеть! Давай за встречу!

Они чокнулись. Ольга пила свой портвейн маленькими глотками. Точно так же восемь лет назад она пила глинтвейн, в приготовлении которого Глеб практиковался длинными зимними вечерами. Немного гвоздики, немного корицы, немного цедры... «Глеб, ну зачем так много цедры? Бу-

дет слишком горько!» – «Пей и не возмущайся. Тебе нужны витамины».

– Самое странное, что Виктор никогда не жаловался на сердце, – снова заговорила Ольга. Глеб вздрогнул. – Он каждое утро пробегал по три километра и считал себя самым здоровым человеком на свете, – с грустной улыбкой продолжала она. – Смешно, да?

– Не очень, – сказал Глеб.

Ольга задумчиво повертела в пальцах бокал.

– Да уж, смешного действительно мало. – Она провела подушечкой пальца по кромке бокала, потом подняла взгляд на Корсака и сказала: – Они позвонили мне в восемь утра. Попросили осмотреть квартиру и сказать, не пропало ли что-нибудь.

Глеб кивнул:

– Это обычная процедура.

Уголки губ Ольги дрогнули. По краям обозначились маленькие морщинки, которых не было, да и не могло быть восемь лет назад.

– Не скажу, чтоб мне это легко далось, – медленно произнесла она. – Ты знаешь, Глеб, там, у него, очень... странно.

– Что ты имеешь в виду? – насторожился Глеб.

Прежде чем ответить, Ольга затушила сигарету и достала новую. Прикуривая от массивной зажигалки Глеба, она покосилась на кончик сигареты, и отблески пламени отразились в ее глазах двумя ярко-красными искорками. Глеб по-

чувствовал, что сердце у него бьется быстрее, чем нужно, и досадливо нахмурил брови.

– Так что в квартире Виктора? – повторил он свой вопрос.

– Если ты помнишь, я никогда не была особенно пугливой. Я даже не боялась ходить по улице одна темными вечерами.

– Да, правда, – признал Глеб, вспоминая, сколько нервов ему стоили эти ее внезапные одинокие прогулки.

– А тут, – продолжила Ольга, – я по-настоящему испугалась. Сразу, как только вошла. – Взгляд Ольги стал задумчивым. Она снова заговорила – все так же медленно, немного растягивая слова на гласных: – Помню, когда я была маленькая, у нас в доме был подвал. Такая черная дыра, пахнущая сыростью. Когда я проходила, просто цепенела от страха. Старалась не смотреть, но все равно смотрела. Дыра притягивала меня, как магнит. Тебе знакомо это чувство?

– Знакомо, – ответил Корсак.

– Здесь что-то подобное. В квартире Виктора пахло... страхом. Как из той дыры. Как будто там поселилось привидение.

Ольга стряхнула с сигареты пепел и продолжила, слегка понизив голос:

– Знаешь, Глеб, мне кажется, я больше никогда не смогу туда войти... А впрочем, мне и не придется. По завещанию все имущество Виктора переходит к его племяннице. Но я не в обиде. Я получила щедрые отступные, когда мы разво-

дились.

Глеб отхлебнул пива и небрежно спросил:

– А что за племянница?

– Девочка из провинции, – ответила Ольга, неприязненно скривив губу. – Приехала в Москву с полгода назад устраивать жизнь. И, как видишь, преуспела.

Глеб собрался с духом и спросил:

– Ты видела Виктора?

Ольга покачала головой:

– Нет. Он все еще сидел в кресле, но эти парни набросили на него покрывало. Пока я там была, они все время косились на покрывало, будто под ним творилось черт знает что.

Ольга снова поморщилась и запила неприятные воспоминания большим глотком «порто». На краешке бокала остался легкий след от губной помады. Глеб достал пачку «Честера». Пока он прикуривал, Ольга рассеянно смотрела на свой бокал.

– Н-да. Все это действительно странно, – сказал Глеб, пряча в карман зажигалку. – Почему вы развелись?

Ольга пожала плечами:

– Не знаю. Наверное, потому что я его разлюбила. Восемь лет под одной крышей... Целая жизнь, если вдуматься.

Официант принес Ольге заказ. Ольга посмотрела на кусок мяса, фаршированный ветчиной и грибами, и брезгливо отодвинула от себя блюдо.

– Что-то мне расхотелось есть, – тихо сказала она. – Все

из-за этих чертовых рассказов.

– Прости. Я не должен был заставлять тебя...

Ольга дернула уголком рта:

– Да все в порядке. Это даже хорошо, что я рассказала. Иначе, наверное, сошла бы с ума. – Она немного помолчала, потом пристально посмотрела на Глеба своими бездонными глазами и хрипло спросила:

– Глеб, зачем ты меня позвал? Ведь у тебя ко мне какое-то дело?

Корсак задумчиво пожевал нижнюю губу.

– Видишь ли... – начал он, слегка запинаясь. – Дело в том, что я встречался с Виктором. Вчера вечером, за пару часов до его смерти...

Глаза Ольги слегка расширились.

– Ты приезжал к нему в ресторан?

– Да. У меня к нему были... кое-какие дела. И когда мы все обсудили, он вдруг попросил меня взять на хранение одну вещь.

– Вещь? – Ольга удивленно приподняла бровь. – Какую вещь?

– Картину, – ответил Корсак. – «Автопортрет со смертью» Гильрена ван Тильбоха. – Он облизнул внезапно пересохшие губы. – Оль, не смотри на меня так, я и сам был удивлен. Виктор попросил взять картину на пару дней. Причины не объяснял. Просто попросил оказать услугу.

– Хм... – Ольга поднесла бокал к губам и сделала малень-

кий глоток. – Действительно, странная просьба. И ты согласился?

– Ну да. А что мне было делать? Я было подумал, что картина краденая, но тут же выбросил эту чушь из головы. Виктор дорожил своей репутацией. Да и не стал бы он меня впускать в темные дела.

Ставя бокал на стол, Ольга неловко качнула его, и маленькая капля портвейна упала ей на руку.

– Ты прав, – произнесла она. – Это на него похоже.

Она протянула руку за салфеткой и нечаянно коснулась руки Глеба. Журналист вздрогнул и почувствовал, как по телу пробежала теплая волна. После всех этих чертовых лет он по-прежнему был равнодушен к этой женщине. Корсак скользнул быстрым взглядом по лицу Ольги, пытаясь определить, заметила она его смущение или нет. Однако она велась так, словно ничего не случилось, и Глеб решил: не заметила.

Ольга стерла с руки пятнышко, скомкала салфетку и бросила в пепельницу. Затем спросила:

– Картина до сих пор у тебя?

– Да, – сказал Глеб.

– И что ты намерен делать?

– Сначала хотел отдать тебе, но потом понял, что это плохая идея. Ты сказала, что наследство получит племянница Виктора. Отвезу картину ей. Наверно, так будет правильнее всего.

Ольга немного помолчала, думая о чем-то своем. Потом небрежно пожала плечами:

– Делай, как считаешь нужным.

Усталым движением затушила окурок в пепельнице и посмотрела на Глеба долгим, испытующим взглядом.

– А ты почти не изменился, – внезапно произнесла она. – Такое же лицо, такие же волосы. Даже взгляд такой же, как тогда.

– Ну это только снаружи. Внутри у меня все седое, – неловко пошутил Корсак.

– Значит, ты по-прежнему занимаешься журналистикой?

– Угу. Мараю кое-что для пары-тройки журналов и газет.

– Когда-то ты мечтал написать книгу. Помнишь?

– На книгу нет времени. Да и кто ее будет читать?

Ольга помолчала. Лицо ее вдруг стало напряженным, на щеках проступила бледность. Чистый белый лоб прорезала маленькая морщинка.

– Я забыла сказать про еще одну странность, – медленно проговорила она. – Там, в квартире у Виктора...

– Что? – напрягся Глеб.

Ольга замаялась:

– Не знаю, может, это неважно, но... Видишь ли, Виктор жутко боялся открытых окон. Это у него с детства. Он был болезненным ребенком, и мать постоянно пугала его сквозняками.

– Да, я помню, – кивнул Корсак.

– Ну вот. А сегодня утром в его квартире все окна были раскрыты настежь.

Глеб посмотрел на Ольгин бокал, потом на ее лицо.

– Возможно, их открыли оперативники, чтобы проветрить, – предположил он.

Ольга покачала головой:

– Нет. Когда они приехали, окна уже были открыты. Они сами мне об этом сказали.

– Их могла открыть уборщица.

– Уборщица?.. А, это та женщина, которая нашла Виктора? – Ольга качнула головой. – Нет, вряд ли. Ей было не до этого. Я слышала, что у нее нервный срыв, она до сих пор не может прийти в себя.

Ольга одним глотком допила портвейн, поискала глазами официанта и сделала ему знак, показав пальцем на пустой бокал. Тот кивнул. Не прошло и минуты, как новая порция с «порто» стояла на столе.

– Надеюсь, ты не против? – спросила Ольга.

Корсак покачал головой:

– Нисколько.

– Это хорошо. Виктору не нравилось, что я пью. Он считал, что женщина вообще не должна пить. У него были довольно патриархальные взгляды на семью. По крайней мере, сначала. А потом он понял, что домостроя у нас не получится, и просто махнул рукой.

Ольга смочила губы в портвейне. Глеб посмотрел, как она

пьет, и спросил:

– Когда у вас с ним разладилось?

– Давно. Год назад или больше. В последние месяцы мы почти не общались. Нам просто не о чем стало говорить. Виктор до позднего вечера работал, а когда приезжал – за-пирался у себя в кабинете и возился с картинами. Вечно вел переговоры с какими-то дилерами.

Она замолчала. Несколько секунд сидела молча, глядя куда-то в пустоту и усмехаясь своим мыслям. Потом медленно поговорила:

– Два человека живут под одной крышей, спят в одной постели и почти не разговаривают друг с другом. В этом есть что-то жуткое, тебе не кажется?

– Такое случается, – сказал Глеб.

– Откуда ты знаешь? Ты ведь не был женат. – Ольга пристально посмотрела Корсаку в глаза и повторила, понизив голос: – Ведь не был?

Глеб покачал головой:

– Нет.

Ольга улыбнулась:

– С тобой у нас все было иначе. Мы могли болтать с утра до вечера и не уставали друг от друга. Ты здорово умел меня смешить. Помнишь?

На смуглых скулах Глеба заиграли желваки.

– И ночами... – продолжила Ольга, не обращая внимания на его изменившееся лицо. – Ночами мы тоже много разго-

варивали. – Глаза Ольги подернулись дымкой. – Я очень скучала по тебе, Глеб, – сказала она. – А ты? Ты обо мне вспоминал?

– Иногда, – сказал Глеб.

Ольга протянула руку к его ладони и тихонько погладила кончиками пальцев.

– Хочешь, поедem сейчас ко мне? Хочешь?

– Я бы с радостью, но мне еще нужно кое-что сделать.

Теплая ладонь Ольги легла на руку Глеба.

– Ты можешь приехать позже, – тихо сказала она. Глеб молчал. Ольга дернула уголками губ и убрала руку: – Что-то я не то говорю. – Она посмотрела на бокал и поморщилась. – Виктор был прав – мне совершенно нельзя пить. Меня развозит от одного глотка. – Вздохнув, она вновь перевела взгляд на Корсака. – Но мне одиноко, Глеб... Страшно одиноко. Это глупо звучит, но мне нужно, чтобы кто-нибудь был рядом.

– Вряд ли я гожусь, – сказал Корсак.

Несколько секунд Ольга сосредоточенно смотрела на журналиста, словно пыталась проникнуть в его мысли. Потом откинулась на спинку стула и кивнула:

– Ты прав. Слишком много времени прошло. Потом мы оба пожалели бы.

Глеб молчал, сжимая в пальцах кружку с пивом.

– Мне пора, – сказала Ольга. – Прости, если что не так. Мне очень приятно было с тобой встретиться. Правда.

Она перегнулась через стол и поцеловала его в щеку. Потом встала.

– Звони мне иногда, ладно?

– Ладно.

Ольга повернулась и пошла к двери. Возле выхода обернулась и приветливо помахала Глебу рукой. Стеклопанная дверь открылась и снова закрылась, поглотив Ольгу.

Столбик пепла с сигареты упал Корсаку на руку. Глеб вздрогнул, тряхнул рукой и затушил окурок в пепельнице. Потом снова посмотрел на дверь и тихо произнес:

– Даже не думай, парень... Даже не думай.

Встреча с Ольгой, как неожиданный порыв ветра, раскалила угли, которые Глеб давно привык считать остывшими. Вспыхнув, они начали жечь душу бедного журналиста, и тушить их нужно было отнюдь не водой. Вечером Корсак решил как следует напиться. Однако после двух стаканов водки с тоником вдруг почувствовал отвращение к спиртному.

«Взрослый, сильный мужчина, а ведешь себя, как подросток», – с досадой подумал Глеб.

Он отставил бутылку и достал из кармана телефон. В записной книжке нашел несколько подходящих женских имен.

Договорившись о встрече, Корсак убрал телефон, встал и направился в прихожую. Проходя мимо зеркала, остановился и посмотрел на свое отражение. Из зеркала на него глянуло желтоватое, осунувшееся лицо. Под нижними веками на-

метились тени, белки глубоко посаженных глаз покраснели от бессонниц. Глаза рыцаря, смирившегося со своим поражением раньше, чем закончилась битва, и не чувствующего теперь ничего, кроме усталости.

Глеб накинул пальто и вышел из квартиры.

Глава 2

*Пока ж пред нами призраки предстанут.
И призраков нам должно одолеть.*

Т. С. Элиот. «Убийство в храме»

1

Утро выдалось тяжелым. Болела голова, во рту стоял отвратительный привкус кислого железа и табака. Да и на душе было не лучше. Домой Корсак приехал около трех часов ночи, а сейчас часы показывали девять. Поднявшись с постели, Корсак принял ледяной душ и выпил чашку крепчайшего кофе. Это помогло взбодриться.

Профессору Северину Глеб звонил, ощущая приятное волнение. Когда-то культуролог Игорь Федорович Северин был его научным руководителем. С тех пор утекло много воды, но Корсак вспоминал об учителе с неизменно теплым чувством.

– Слушаю вас! – послышался в трубке характерный хрипловатый голос.

– Игорь Федорович, здравствуйте. Это Корсак.

– Корсак?.. Какой такой Корсак?.. Ах Корсак! – хрипло

воскликнул Северин, делая вид, что только что вспомнил Глеба. – Рад тебя слышать!

Несмотря на почтенный возраст, Северин любил повалять дурака, и в былые годы их словесные пикировки приносили Глебу много удовольствия.

– Я вас тоже, – сказал Корсак. – Как поживаете?

– С переменным успехом. Третий день борюсь с ангиной, утопил часы в раковине, опоздал вчера на собственную лекцию, но зато через пару недель выходит моя новая книга. А значит, меня можно назвать счастливчиком.

– Вижу, вы по-прежнему оптимист. О чем книга?

– Небольшая монография о Чимабуэ и Джотто². Если ты еще помнишь, кто это такие.

– Как же, – сказал Глеб. – Если не ошибаюсь, Джотто – это американский киноактер. Кажется, это он играл в «Крестном отце»?

– Точно. Он сделал Чимабуэ предложение, от которого тот не смог отказаться!

Они рассмеялись.

– Не забудьте подарить экземпляр, – весело сказал Глеб.

– С удовольствием тебе его... продам. – Искусствовед снова хохотнул, но тут же закашлялся. Прокашлявшись, сипло проговорил: – Прости. Проклятая ангина. Ты сам-то как?

– Лучше всех, – ответил Глеб.

– Читал твой репортаж о любовных играх рачков-комару-

² Итальянские художники XIII–XIV вв., представители Проторенессанса.

сов. Сильно написано. Жестко, логично, бескомпромиссно.

– Что-то не припомню, чтобы я про это писал.

– Правда? Жаль. Тебе непременно нужно написать о чем-нибудь этаким.

Глеб покосился на картину, стоявшую на стуле.

– Игорь Федорович, у меня к вам дело.

– Слушаю тебя.

– Мне нужно узнать как можно больше об одной картине.

– Что за картина?

– Гильрен ван Тильбох. «Автопортрет со смертью».

– Ван Тильбох? Отличный художник. Тебе нужен подробный отчет?

– Желательно.

– Тогда я должен кое-что освежить в памяти. У тебя есть цифровые фотографии работы?

Глеб снова покосился на Тильбоха.

– Как вам сказать... В общем, да.

– Можешь выслать по электронке?

– Да.

– Тогда диктую.

Северин сообщил свой смейл, дождался, пока Корсак запишет, и сказал:

– Позволь задать тебе вопрос: почему ты интересуешься Тильбохом?

– Журналистские дела, – ответил Корсак.

– Пишешь статью о каких-нибудь мошенниках?

– Что-то вроде этого.

– Ясно. Подъезжай на кафедру к концу третьей пары. Дорогу к университету помнишь?

– Такое не забывается.

– Забывается и не такое, – возразил искусствовед. – Знает, тебя ждать?

– Угу.

– Ну до встречи в эфире.

Разговор с профессором всколыхнул в памяти Корсака воспоминания восьмилетней давности. Глеб покосился на бутылку водки, все еще стоящую на столе. Потом тряхнул головой и строго сказал себе:

– Не будь болваном, Корсак.

Достав из шкафа цифровой фотоаппарат, Глеб сделал несколько снимков картины и отправил их Северину. Дождался, пока придет уведомление о получении, и стал собираться. Он был уже совсем одет, когда вдруг вспомнил, что следует позаботиться о безопасности картины. Возить дубовую доску с собой рискованно, но не менее рискованно оставлять ее дома.

Минут пять Глеб расхаживал по квартире, оглядывая каждый угол в поисках укромного и безопасного места. Наконец его осенило. Он подошел к старому журнальному столику (подарок одного мастера-кузнеца, о котором Глеб написал развернутую статью в воскресный «МК»). Столик пред-

ставлял собой прямоугольную деревянную плашку, лежащую на опоре из трех витых чугунных ножек (ножки выковал сам кузнец, демонстрируя Глебу мастерство). За три года столик несколько раз падал, и теперь деревянная столешница едва держалась на железных креплениях.

Повозившись несколько минут, Глеб отвинтил болты и снял столешницу. На ее место положил Тильбоха – лицевой стороной вверх. Затем накрыл картину скатертью. Немного поколебавшись, поставил на скатерть стеклянную пепельницу и початую бутылку водки. Потом отошел и придирчиво осмотрел столик. Выглядело неплохо. Столешницу Корсак забросил на антресоли.

Чтобы пройти в подсобное помещение кинотеатра, Корсаку пришлось воспользоваться одним из семи фальшивых удостоверений, которые он постоянно таскал в сумке, небрежно брошенной на плечо. На этот раз он назвался оперуполномоченным службы «КВД».

– КВД? Что-то знакомое... – Старик-охранник озадаченно наморщил лоб. – А как это расшифровывается?

– «Комитет внутренних дел». Неужели не слышали?

– Как же, как же, слышал, – охранник вернул Корсаку удостоверение и браво ему козырнул.

– Где тут у вас афиши рисуют? – поинтересовался Глеб.

– Это вам мастерская художника нужна. Войдете вон в ту дверь. Потом прямо по коридору и направо. А что случилось-то?

– К счастью, пока ничего, – сказал Глеб. – Надеюсь, не случится. Для этого я сюда и направлен.

Охранник многозначительно кивнул. (Таинственную аббревиатуру «КВД» Глеб придумал сам, и в его незамысловатой интерпретации она означала всего-навсего «ключ от всех дверей».)

Пока охранник озадаченно скреб пятерней в затылке, Глеб пересек небольшой коридорчик и вошел в мастерскую. В нос ему ударил запах красок и растворителей. Баночки и

бутылки были расставлены повсюду – на грязном столе, на стеллажах, на широком подоконнике и даже на полу.

Обшарпанный стол украшала ваза, похожая на огромный мыльный пузырь. Вместо цветов из нее торчал кисти всех видов и размеров.

На внушительных размеров подрамник, стоявший у стены, натянуто огромное полотно. Края закреплены специальными кронштейнами, напоминающими маленькие тиски. Стройная девушка с вьющимися белокурыми волосами, сложенными на затылке в пышный пучок, сидела перед холстом на корточках и валиком наносила на холст грунтовку. Одета она была в белую футболку и джинсовый комбинезон, заляпанный разноцветными пятнами краски.

Корсак остановился у двери, некоторое время наблюдал за ритмичными движениями (от усердия она даже высунула кончик языка, и смотрелось это очень забавно), затем кашлянул и сказал:

– Добрый день. Вы Лиза Фаворская?

Девушка вздрогнула и обернулась. Глаза у нее были зеленые; густые, темные ресницы расходились в стороны маленькими лучиками. Девушка близоруко сощурилась, затем потерла сгибом запястья нос и сказала:

– Для кого Лиза, а для кого и Елизавета Андреевна. Что-то я вас не узнаю. Мы знакомы?

Корсак покачал головой:

– Нет. Я как раз пришел исправить это досадное недора-

зумение. Меня зовут Глеб. Глеб Корсак.

– Очень приятно, Глеб Корсак.

Лиза выпрямилась, сдернула с рук резиновые перчатки и швырнула их на стол. Затем достала из кармана комбинезона сигарету.

Пока она прикуривала, Глеб оглядел мастерскую. На стенах висели холсты, испещренные цветовыми полосами и пятнами – что-то среднее между плохим Кандинским и не слишком хорошим Миро.

– Нравится? – спросила Лиза, кивнув в сторону картин.

– Не очень, – сказал Глеб. – Не люблю авангард. Кто автор?

Девушка чуть склонила голову набок:

– Угадайте.

– Неужели вы?

– Поразительная догадливость, – усмехнулась девушка.

– Простите, не знал.

– А если б знали, они превратились бы для вас в шедевры?

– Не думаю.

– Что ж, по крайней мере, откровенно. – Девушка откинула со лба волосы и язвительно поинтересовалась: – Может, я и сама не в вашем вкусе?

– Напротив, – сказал Глеб. – Очень симпатичная девушка.

– Приятно слышать. – Она выпустила тонкую струйку дыма и с интересом оглядела журналиста с ног до головы. Затем оттопырила нижнюю губу, дунула на челку и небрежно

произнесла: – Ну давайте, выкладывайте. Что у вас ко мне за дело?

– Я знал вашего дядю – Виктора Фаворского.

– И что?

– Он был неплохой человек.

– Правда? – Девушка пожала острыми плечами. – Вполне может быть, хотя верится с трудом. Я его мало знала. Мы и встречались-то всего пару-тройку раз. А вы его друг, да?

– Что-то вроде этого, – сказал Глеб.

Лиза вытерла ладонь об комбинезон и протянула ее Корсаку:

– Разрешите пожать лапу человеку, который дружил с моим дядей. Вы первый из его друзей, кого я вижу.

Ладонь у девушки была узкая, твердая и прохладная.

– Вы не были на похоронах? – спросил ее Глеб.

Она покрутила белокурой головой:

– Нет. Не выношу вида покойников. Я понимаю, что нехорошо так говорить о Викторе, но...

– Иначе о нем уже не скажешь, – сказал Глеб. – Я слышал, он завещал вам все свое имущество?

– Угу. – Лиза вынула изо рта сигарету, перевернула ее и задумчиво посмотрела, как сизая струйка дыма поднимается кверху. – Адвокат уже звонил мне. Только я все равно ничего не понимаю в этих делах. Я даже не знаю, что именно получу.

– Насколько я слышал, все. Включая рестораны, – сказал Глеб.

Лиза покосилась на него и тонко усмехнулась:

– Неплохо, да? Особенно для провинциальной девчонки, которую еще неделю назад господин Фаворский и на порог-то пускать не хотел.

– Это почему же? – поинтересовался Глеб.

– А у меня плохая репутация, – просто ответила девушка. – Даже судимость есть. К счастью, условная. – Она стряхнула пепел с сигареты в стеклянную банку из-под майонеза, доверху набитую окурками, и снова уставилась на Глеба. – Спрашивайте, не стесняйтесь. Вы ведь хотите знать, за что меня судили?

– Не очень.

– А я все равно скажу. Обожаю хвастаться своими подвигами. Полтора года назад я угнала машину.

Глеб кивнул и спросил:

– Хорошую?

– «Ауди-S6». С тюнинговыми модификациями.

– Неплохо.

– Еще бы! Вижу, я поднялась в ваших глазах? А вот Виктор, когда узнал, что я угонщица, стал шарахаться от меня как от чумы. Видимо, считал, что такие родственнички, как я, могут основательно подпортить ему репутацию. Он, видите ли, очень заботился о своей репутации. Ну да я на него не в обиде. Тем более теперь, когда он помер и оставил мне наследство. – Лиза подняла руку и глянула на часики. – Послушайте, Глеб, или как вас там... У меня сейчас перерыв

на обед. Хотите, угощу вас кофе?

– С удовольствием.

– Ну тогда айда в кофейню! Здесь недалеко.

Кофейня оказалась дешевой забегаловкой с грязными окнами и неистребимым запахом киевских котлет. Глеб и Лиза сидели за маленьким столиком, накрытым клетчатой клеенкой, и пили кофе. Вернее, кофе пил Глеб, а девушка сосала через трубочку земляничный коктейль из дешевого граненого стакана.

Красавицей в общепринятом смысле слова Лизу Фаворскую назвать было нельзя. Но она была чрезвычайно обаятельна. В ее лице было что-то незавершенное, казалось, в нем не хватает последней детали, штриха, словно Создатель в самый последний момент отложил кисть, предоставив девушке самой завершать работу. Но она с этим явно не торопилась. Бледная кожа, грустные глаза, голубоватые прожилки на висках, тонкие руки с необычно длинными пальцами. Облик ее настолько не сочетался с интерьером забегаловки, что Глеб не удержался и спросил:

– Вы всегда здесь обедаете?

Девушка оторвалась от соломинки, спокойно посмотрела на Корсака и ответила:

– Честно говоря, впервые. Давно хотела сюда зайти, но боялась одна.

– И что же вас сюда тянуло?

– Исследовательский интерес. Люблю бывать в странных

местах.

Глеб понимающе кивнул.

– Представляю, как вы удивились, когда узнали про дядино завещание, – сказал он, отхлебнув кофе.

Лиза пожала острыми плечами:

– Не очень. А кому еще Виктор мог завещать свои миллионы? У него ведь нет детей. Со своей драгоценной женошкой он развелся несколько месяцев назад. Кстати, вы ее знаете?

– Немного.

– Она красивая. Настоящая *femme fatal*³. И наверняка стерва.

Глеб удивленно воззрился на девушку:

– Почему вы так думаете?

– Мама говорила, что Виктор вечно связывается со стервами. Впрочем, моя мама часто говорила глупости. – Лиза схватила губами ускользающую соломинку, но неожиданно выпустила ее и произнесла с мстительной насмешливостью в голосе: – Послушайте, а ведь эта *femme fatal* наверняка сейчас кусает себе локти. Угораздило же ее так рано развестись!

Девушка подождала, не ответит ли Глеб, и, поскольку он промолчал, заговорила снова:

– А у вас интересное лицо. Было бы прикольно написать ваш портрет. С голым торсом.

– Я видел ваши работы. Не думаю, чтобы мне это понравилось, – сказал Глеб.

³ Роковая женщина (*фр.*).

Девушка прищурила зеленые глаза и засмеялась:

– Не бойтесь, парниша, я работаю в разных манерах. В том числе и в реалистической. Уж как-нибудь намалюю ваш великолепный волевой подбородок. Ну и то, что пониже, естественно.

Глеб изобразил улыбку. Потом стер ее с лица и спросил:

– Давно рисуете?

– Не очень. Несколько лет назад мы с мамой приехали на два дня в Москву и остановились у Виктора. Он к тому времени только начинал заниматься коллекционированием. Все два дня я таращилась на картины. А потом решила, что когда-нибудь научусь рисовать так же.

– И здорово в этом преуспели, – заметил Корсак.

Лиза поглядела на него исподлобья:

– Издеваетесь?

Глеб покачал головой:

– Нисколько. В вас виден талант.

– Разглядели-таки? Вы очень зоркий человек, гораздо зорче моих преподавателей. Не к столу будут помянуты.

Она вновь ухватила губами соломинку. А Глеб отхлебнул кофе и сказал:

– Не думал, что в наше время есть люди, которые вручную рисуют афиши.

– А я и сама не думала, пока объявление в газете не увидела. У нашего кинотеатра такая фишка. Типа все вживую. Ручная работа, и все такое.

Втянув очередную порцию коктейля, Лиза небрежно облизнула губы кончиком языка. Весьма эротично. Вообще, все, что делала эта девушка, выглядело здорово.

– Нравятся? – поинтересовалась Лиза, перехватив взгляд Корсака.

– Что? – не понял он.

– Мои губы. Разве вы не на них смотрели?

Корсак усмехнулся.

– У меня очень чувственные губы – все так говорят, – продолжила девушка таким тоном, словно говорила о чем-то само собой разумеющемся. – Мама говорила, что я бужу в мужчинах похоть. Она думала, что это оскорбление, но, по-моему, это здорово – будить в мужчинах похоть. Как вы считаете?

– Честно говоря, я над этим не думал.

– Зря. Это же природа – против нее не попрешь. Все мужчины – похотливые самцы. По-моему, чем похотливее, тем лучше.

– Почему?

Она пожала плечами:

– Люблю мужчин, которые не скрывают своих истинных намерений. Вот вы явно не такой. Вы себе на уме.

– Я вижу, вы очень уверены в собственной неотразимости, – сказал Глеб.

Девушка весело улыбнулась:

– Конечно. У меня множество поклонников. Среди них

есть даже один известный банкир. И один француз – сотрудник визовой службы. С визой, которую он мне сделал, я могу кататься в Париж, когда захочу. Расскажите мне о Викторе, – неожиданно попросила Лиза.

Глеб поставил чашку на стол.

– Мы с ним вместе учились в университете, – сказал он.

– Ага. Значит, вы тоже изучали историю культуры? Вы, наверно, жутко умный. Ну как? Умный?

– Чудовищно, – ответил Глеб.

– Я так и знала. У вас взгляд умного человека, который всех вокруг считает дураками.

Глеб неопределенно пожал плечами и спросил, чтобы сменить тему разговора:

– Откуда вы приехали?

– Из Барнаула, – ответила девушка. – Полгода назад. Думала, что здесь легче найти работу. Ну там... сделать карьеру, и все такое.

– И как? Получается?

– Пока не очень. Но я уже знакома с несколькими галеристами. Двое из них сделали мне выгодные предложения, но я пока раздумываю.

– О чем?

– Ложиться с ними в постель или нет, – ответила Лиза, схватила губами соломинку и шумно втянула очередную порцию коктейля. На этот раз она не просто облизнула губы, а провела языком по губам медленно и плавно, с легкой

усмешкой поглядывая на Корсак. – Я слышала, что многие женщины делают карьеру через постель, но мне кажется, что должны быть и другие способы. Вы, случайно, не знаете?

– Что? – не понял Корсак.

– Есть другие способы или нет?

– Должны быть.

– Вот и я так думаю, – кивнула Лиза. Затем внимательно посмотрела на журналиста и сказала: – А теперь колитесь – что вас ко мне привело? Ведь не о жизни потрепаться вы сюда пришли, правда?

– Правда, – кивнул Глеб. – Дело в том, что за пару часов до смерти вашего дяди я с ним беседовал. Дело было в ресторане «Ночная регата». Он попросил меня взять на хранение одну вещь. И эта вещь до сих пор у меня.

– Интересно, – проговорила Лиза. – А что за вещь?

– Картина фламандского художника ван Тильбоха. «Автопортрет со смертью».

Если девушка и удивилась, то ничем не выдала своего удивления. Лишь пожала плечами и сказала:

– Зачем ему это понадобилось? У него что, не было?

– Уверен, что была.

– Тогда какого черта он обратился к вам?

– На этот вопрос я ответить не могу. Ваш дядя просил оказать услугу. Я так и сделал.

– Ясно. А от меня-то вы чего хотите?

– Картина все еще у меня, – сказал Корсак. – А вы наслед-

ница Виктора.

– Хотите, чтобы я ее забрала?

– Наоборот. Хочу, чтобы она еще какое-то время побыла у меня.

Девушка подозрительно посмотрела на Корсака и спросила:

– Почему?

– Ваш дядя чего-то опасался, – ответил Глеб. – И я хочу узнать – чего именно.

– Вон оно что. Думаете, картина вам в этом поможет?

– Не исключаю.

Лиза нахмурила брови:

– Не понимаю, зачем вам все это? Вы же не следователь.

– Нет, но я ужасно люблю совать нос в дела, которые меня не касаются.

Лиза кивнула:

– Бывает. Что ж, пускай побудет у вас. Правда, у меня есть одно условие.

– Какое?

– Я хочу, чтобы вы информировали меня о ходе вашего журналистского расследования. Это ведь так называется?

Глеб опешил:

– Это еще зачем?

– Если вы не заметили – я жутко любопытная девица. И так же, как и вы, люблю совать нос куда не надо. К тому же я наследница Виктора. А значит, дело касается меня напря-

мую.

Корсак поскреб ногтем горбинку на носу.

– Определенный резон в ваших словах, конечно, есть, – задумчиво проговорил он.

– Значит, договорились, – удовлетворенно кивнула Лиза. – И каковы будут наши первые шаги?

– Наши? – Корсак с изумлением воззрился на девушку. – Вы о картине?

– О ней, – кивнула Лиза.

– Гм... А в вас чувствуется деловая жилка. Я думаю, что для начала было бы неплохо просветить ее рентгеном.

– Отличная идея! – одобрила Лиза. – Я однажды видела, как это делается. Жутко интересно. Могу порекомендовать одного московского реставратора. Очень забавный человек и, кажется, немного влюблен в меня. Фамилия у него Долгих, но я зову его Долгоносик. Дать вам телефон?

Корсак помолчал. Ему не очень-то нравилась ретивость девушки, однако ее связи могли пригодиться.

– А он действительно хороший реставратор? – с сомнением в голосе поинтересовался Глеб.

– Один из лучших! – заверила Лиза.

– Что ж... давайте.

Лиза достала из нагрудного кармана комбинезона маленький блокнотик, полистала его, потом продиктовала номер. Глеб внес его в память телефона.

– Представьтесь каким-нибудь моим родственником, –

сказала Лиза. – Например, двоюродным братом.

– С чего вдруг такие сложности?

Лиза посмотрела на Корсака, как на кретина:

– Как это? Да иначе он просто умрет от ревности. Или вас прикончит. Направит на вас лампу Вуда, и – фьюить! – прожжет дыру. В этом, конечно, есть и свои плюсы. Например, вентилятор в жару не понадобится. Будете проветриваться естественным образом.

Корсак улыбнулся:

– У вас изощренная фантазия.

– Есть такое, – кивнула Лиза. – Тяжело, наверное, зависеть от женщины с изощренной фантазией? А я вот всю жизнь мечтала, чтобы от меня зависел такой мужчина, как вы. Самоуверенный и упрямый.

– Кто от кого зависит – это еще вопрос, – сказал Корсак. – Вот отдам вам картину, и будете носиться с ней по городу сами.

Лиза фыркнула:

– Подумаешь. Найму частного детектива, и он все сделает.

– Много у вас знакомых детективов?

– Ни одного.

– Ну тогда и не выпендривайтесь.

Лиза приложила пальцы к виску и торжественно произнесла:

– Есть, мой капитан! Ну хватит хмуриться. Не думайте, что я такая уж вредина. Езжайте к Долгоносику и проверь-

те, нет ли у Тильбоха пятен в легких или еще какой-нибудь болячки. Захотите – позвоните мне. А нет... – Она пожала плечами. – Одной обиженной дурочкой на свете станет больше, только и всего.

Реставратор Семен Иванович Долгих оказался худым, невзрачным человеком. Лицо у него было грустное: печальные глаза, спрятанные за синими стеклами очков, печальный, вялый рот. Даже длинный нос был приделан к лицу под каким-то трагическим углом.

– Вы приехали раньше, чем я ожидал, – едва поздоровавшись, произнес Долгих кислым голосом. – Мне нужно закончить работу. Придется подождать минут пятнадцать. Полагаю, на кухне вам будет удобно. Картину можете оставить в прихожей.

Корсак поставил завернутую в бумагу доску на пол и пошел следом за хозяином дома. Проводив Корсака на кухню, Долгих ушел в комнату. Глеб вынул из кармана пальто колоду карт, перетасовал их и принялся раскладывать пасьянс на столе, между тарелками с остатками еды и стаканами с подсохшими к стенкам чайниками. Минут через десять Долгоносик вернулся. Глянул на разложенные карты и сказал:

– Сюда лучше положить бубновую даму. Но было бы лучше, если б вы занялись этим в другом месте.

– Почему?

– Не люблю карты. Однажды я очень сильно проигрался в поезде, и с тех пор они вызывают у меня нервозность. Будете чай?

– Предпочел бы кофе.

– У меня только растворимый.

– Сгодится, – сказал Глеб, пряча колоду в карман.

Вскоре кофе был готов. Корсак придвинул к себе чашку и принялся. Судя по запаху, качество отвратительное. Долгоносик подцепил кусочек сахара, бросил в чай и принялся меланхолично помешивать, громко и монотонно звякая ложечкой. Спустя полминуты Глеб не выдержал и небрежно заметил:

– Слаще он уже не станет.

– Что? – не понял реставратор.

– Я говорю: сахар давно растворился, так что можно перестать гонять волну в чашке.

Долгих усмехнулся тонкими бледными губами:

– Не любите звон?

– Однажды я выпил слишком много чая в поезде, и с тех пор звон чайных ложек вызывает у меня нервозность.

– Веселый вы человек, – грустно констатировал реставратор.

У Долгоносика была странная манера говорить: после каждой реплики он чуть-чуть втягивал голову в плечи и быстро стрелял глазами вокруг, словно кто-нибудь мог ударить его дубинкой по голове за то, что он чаще положенного открывает рот.

– Так, стало быть, вы брат Елизаветы Андреевны? – снова заговорил реставратор. – Вероятно, вы хорошо ее знаете.

Скажите, что она за человек?

– А разве вы сами не знаете?

Долгоносик печально покачал головой:

– Нет. Она ничего про себя не рассказывает. Видите ли, у меня на ее счет самые серьезные намерения. Я хочу знать о ней как можно больше. Я некоторым образом... влюблен в нее.

– Мы жили в разных городах и редко общались, – сказал Корсак.

– Ну, может, она вам что-нибудь рассказывала?

– А что именно вы хотите узнать?

Долгоносик покраснел. Затем откашлялся в кулак и неуверенно заговорил:

– Один наш общий знакомый утверждал, что Лиза... ну, когда она еще только приехала в Москву... устроилась на работу в одну... э-э... фирму. – Он замялся, явно не находя подходящего слова. – Ну, в общем, это место, куда приходят состоятельные господа, которые хотят, чтобы их слегка... – Долгоносик сделал неопределенный жест рукой и посмотрел на Корсака. – Вы понимаете, о чем я?

– О плетках и наручниках?

Долгоносик грустно кивнул:

– Именно. Этот мой знакомый говорит, что якобы видел ее фотографию в Интернете. Не то чтобы я ему верил... Тем более девушка на фотографии была в маске. Но иногда... Иногда я думаю, что она на это способна.

– Они все на это способны, – заметил Корсак. – К счастью, плеток и наручников на земле меньше, чем женщин. Иначе веселенькая бы у нас с вами началась жизнь.

Глеб сунул в рот сигарету и весело подмигнул реставратору. Тот кисло улыбнулся в ответ и попросил:

– Не курите здесь, пожалуйста. Не выношу дыма.

Корсак послушно убрал сигареты в карман.

– По телефону вы сказали, что хотите обследовать картину с помощью рентгеновских и ультрафиолетовых лучей. Могу я узнать – зачем вам это?

– Есть причина, – сказал Корсак.

Долгоносик помолчал, затем угрюмо спросил:

– Это она вас попросила? Лиза?

– Да.

Он подумал и сказал:

– Что ж... Пожалуй, я могу это устроить. Когда вы хотите получить заключение?

– Чем раньше, тем лучше. Желательно прямо сегодня.

Долгоносик покачал головой:

– Это слишком быстро.

– Лиза настаивала, чтобы я обратился именно к вам, – заметил Глеб.

Дряблые веки реставратора едва заметно дрогнули. Он недоверчиво покосился на журналиста и тихо спросил:

– Это правда?

– Чистейшая, – заверил его Корсак. – Она сказала, что с

вашей помощью можно проделать эту работу быстро и качественно.

Реставратор колебался.

– Даже не знаю. Хотя... если это действительно так срочно...

– Срочнее не бывает. Можно сказать, что от этого зависит дальнейшее материальное благополучие Елизаветы Андреевны.

Долгоносик внимательно посмотрел на Глеба сквозь бледно-синие стекла очков.

– Значит, это связано с завещанием покойного Фаворского? – спросил он.

Глеб молча кивнул, удивляясь с какой скоростью распространяются новости.

– Что ж, – сказал Долгоносик. – Сделаю все, что от меня зависит. Позвоните мне сегодня вечером. Часиков этак в девять. А теперь простите, мне нужно работать.

Войдя в первый гуманитарный корпус МГУ, Глеб ощутил прилив ностальгии. Здесь все осталось так же, как восемь лет назад. По «сачку» (так студенты называли холл) ходили группами и порознь молодые парни и девушки. Парни были говорливыми и поджарыми, а девушки все до одной красавицы. Нежные лица, на которых еще не осела пыль времени и зола сгоревших лет, белозубые улыбки, стройные фигуры, голые пупки, длинные ноги, попки, туго обтянутые джинсами. У Глеба защемило в груди. Он вдруг почувствовал, как постарел. Хотя его, пожалуй, еще можно принять за какого-нибудь озабоченного аспиранта.

Прежде чем подняться наверх, Глеб – просто для того, чтобы подольше повариться в студенческом «котле», подзарядиться жизненной энергией, – подошел к киоску и купил себе шоколадный батончик. Есть не хотелось, и он сунул батончик в карман.

«Пока еще живы, – грустно думал Глеб, глядя на спящих вокруг жизнерадостных ребят. – Но время убивает и их. Даже сейчас убивает, когда они просто сидят на приступке и грызут свои чипсы и сухарики».

На кафедре профессора Северина не оказалось.
– Вы Корсак? – поинтересовался у Глеба тощий бледный

лаборант с унылым лицом и круглыми, как обточенные водой камни-голыши, глазами. (Перед приходом Корсака лаборант читал книгу и, судя по взгляду, мыслями все еще был в ней.)

Глеб ответил утвердительно.

– Игорь Федорович почувствовал себя плохо и поехал домой, – сообщил лаборант. – Он пытался вам позвонить, но вы были недоступны.

– Мой телефон был недоступен, – поправил Корсак. – А сам я доступен в любое время дня и ночи. Давно он уехал?

– С полчаса назад.

Глеб посмотрел на часы и нахмурился. Уходя, протянул лаборанту шоколадный батончик:

– Спасибо, – невозмутимо поблагодарил лаборант и сунул батончик в карман пиджака. Затем, потеряв к Корсаку всякий интерес, снова взялся за свой талмуд.

Профессор-культуролог Игорь Федорович Северин встретил Корсака в домашнем халате и тапочках, с шарфом на шее. Северину было сорок семь лет, однако выглядел он старше – отчасти благодаря седой шевелюре, отчасти – небольшой «профессорской» бородке, которая украшала его узкий, как у Дон Кихота, подбородок. Однако голубые глаза Северина поблескивали ясным и чистым блеском, как у молодого человека, а в черных бровях не имелось ни единого седого волоска.

– А, Глеб! Входи, входи. – Говорил профессор хрипло и в нос.

– Здравствуйте, Игорь Федорович. – Корсак посмотрел на шарф, перевел взгляд на покрасневшие глаза своего бывшего учителя и спросил: – Что, совсем расклеились?

– Ангина, будь она неладна. Вечная моя напасть. – Северин расслабленно махнул рукой. – Да ну и черт с ней. Дай-ка лучше я на тебя взгляну. Н-да... Годы действительно никому не идут на пользу. Кстати, ты в курсе, что галстук... а я полагаю, что эта красная тряпочка у тебя на шее – все-таки галстук... так вот, что галстук полагается носить на груди, а не на плече?

– Правда? – улыбнулся Глеб. – Жаль, что мне раньше никто этого не сказал. – Он поправил съехавший в сторону узел. – Так лучше?

– Намного, – кивнул Северин. – Теперь даже могу пустить тебя в гостиную.

Едва они вошли в комнату, как из клетки, стоящей на подоконнике, раздался гортанный крик:

– Кар-рамба! Свистать всех наверх!

Огромный, разноцветный попугай энергично раскачивался на деревянном шестке.

– Угомонись, Бенвенуто, – строго сказал ему профессор, и попугай замолк.

– Жив еще, курилка? – улыбнулся Глеб, весело глядя на красавца попугая.

– Этот разбойник нас с тобой переживет, – улыбнулся Северин. Он достал из кармана халата трубку и сунул в рот. – Ну что же ты встал? Давай садись, где тебе удобней, и рассказывай. Все-таки года два не виделись.

– Три, – сказал Корсак.

– Тем более! Ты пока подготовься, а я сделаю кофе.

Глеб уселся в кресло, а Северин отправился на кухню.

– Гр-ром победы раздавайся... – слышался из кухни его густой, сочный баритон.

Глеб улыбнулся и устало вытянул ноги, наслаждаясь комфортом. Взгляд его упал на небольшую пепельницу, в которой лежали два белых окурка со следами губной помады на фильтре. Глеб усмехнулся и покачал головой.

Вскоре Северин вернулся с двумя чашками ароматного кофе. Минут двадцать преподаватель и его бывший ученик трепались о жизни. Во время разговора Северин держал во рту трубку, но не зажигал ее по причине больного горла.

Дождавшись паузы в очередном монологе профессора, Глеб закурил, показал сигаретой на пепельницу и спросил:

– Это серьезно?

Северин посмотрел на испачканные помадой окурки и слегка покраснел.

– Серьезней, чем я думал, – сказал он. – Видишь ли... смешно говорить, но я вроде как надумал жениться.

Глеб присвистнул:

– Еще один холостяцкий бастион пал?

– Ну, рано или поздно это должно было случиться, – ответил профессор. – Я никогда не давал обет безбрачия, ты же знаешь.

– И кто эта коварная соблазнительница?

Северин улыбнулся:

– Историк. Хорошая женщина. На десять лет моложе меня.

– На свадьбу-то пригласите?

– Обязательно. Если не будешь зубоскалить.

Северин откинулся на спинку кресла, подставив падавшим из окна солнечным лучам свое лицо вышедшего на покой флибустьера, прищурил глаза и сказал:

– Я знаю о смерти Фаворского. Это он дал тебе картину, не так ли?

– Да, – ответил Глеб.

Северин вставил в рот трубку и задумчиво ее пососал.

– Полагаю, ты взялся за это дело из профессионального любопытства, – сказал он. – Но что может быть любопытного в человеке, умершем естественной смертью?

– Если он действительно умер естественной смертью, то ничего, – сказал Глеб.

– Ага, – прищурился Северин. – Стало быть, ты видишь в кончине Фаворского чей-то злой умысел? Позволь узнать, на чем основываются твои подозрения?

– Много на чем, – ответил Глеб. – Во-первых, я говорил с Фаворским незадолго до его смерти. Он был напуган.

– Виктор? Напуган? Забавно. Насколько я помню, он был не из пугливых.

– Об этом я и говорю. Чтобы выбить его из колеи, нужно было сильно постараться.

Северин вынул изо рта трубку и с тоской на нее посмотрел.

– Чертова ангина, – пробормотал он. Почесал черенком трубки черную бровь и вздохнул: – Ну хорошо. Это во-первых. А во-вторых?

– Я звонил личному врачу Фаворского, и тот заверил, что с сердцем у того все было в порядке. Не пил, не курил, занимался спортом, и все такое. Даже простудами не болел.

Северин нахмурился:

– Действительно, странно. Это все? Или тебя еще что-то насторожило?

– Еще три странных факта. Во-первых...

– Это уже в-третьих, – поправил Северин.

Корсак кивнул:

– В-третьих, на лице Виктора застыло выражение неопи-суемого ужаса. Я понимаю, как странно это звучит, но факт остается фактом. Об этом мне рассказывал следователь из МУРа. Перед смертью что-то сильно напугало его...

– Или – кто-то, – задумчиво проговорил Северин.

– В-четвертых, – продолжил Корсак, – все, кто побывал в то утро в квартире Фаворского, почувствовали безотчетный страх. Буквально как физическую реальность.

– Все интересней и интересней, – пробормотал Северин. – Это все, или есть еще и «в-пятых»?

– Есть, – кивнул Корсак. – В квартире были открыты все окна, хотя Фаворский терпеть не мог сквозняков. – Глеб прищурил карие глаза. – Что вы об этом думаете, Игорь Федорович?

Северин задумчиво пощипал пальцами флибустьерскую бородку.

– Все это в высшей степени загадочно. И у тебя действительно есть основания предполагать худшее. – Профессор рассеянно посмотрел на распечатанные фотографии картины, лежащие на столе среди книг и тетрадей. – Значит, мистер Спейд⁴, ты думаешь, что ключ к разгадке тайны заключен в картине Тильбоха? Кстати, ничего, что я назвал тебя мистером Спейдом? Мой любимый сыщик – миссис Марпл⁵, но на нее ты не слишком-то похож.

– Я и на Сэма Спейда не тяну, – усмехнулся в ответ Корсак. – А насчет картины... – Он пожал плечами. – Эта история началась с нее. У меня больше нет никаких зацепок.

Профессор еще немного походил в задумчивости по комнате, потом остановился перед Корсаком. Взгляд его стал тревожным.

– Глеб, ты меня прости, но если смерть Фаворского как-

⁴ **Сэм Спейд** – сыщик, герой детективного романа Д. Хэммета «Мальтийский сокол».

⁵ **Миссис Марпл** – героиня детективных романов А. Кристи.

то связана с картиной, то и твоя жизнь под угрозой. Или будет находиться, когда ты поглубже увязнешь. Ты осознаешь опасность?

– Это часть моей профессии, – сказал Глеб.

– Не думаю, что риск оправдан, – с сомнением произнес Северин. – Ну да это твое дело. Если человек перепутал веревочную петлю с галстуком, ему никто не может помешать затянуть узел потуже... А теперь давай-ка вернемся к твоему фламандцу. Итак, Гильерен ван Тильбох родился в 1623 году в Брюсселе. Отец его был художником-неудачником. О матери ничего толком не известно. В тридцать лет Тильбох получил право на профессиональную деятельность и вступил в корпорацию художников – Гильдию Святого Луки. А десять лет спустя возглавил ее. Еще через несколько лет получил статус хранителя городского собрания живописи.

– Неплохая карьера, – заметил Корсак.

– Все эти годы Тильбох усердно писал, вырабатывая свою манеру. Своими учителями он считал Ван Эйка и Ван Гюйса. У них научился композиции, колориту, прорисовке деталей. В своих работах Тильбох часто «цитировал» полотна других художников. И твоя картина – типичный тому пример.

– Что-то типа принципа матрешки? – уточнил Корсак. – Одна картина внутри другой?

– Именно так. В твоем случае – две картины внутри одной. Возглавив Гильдию, Тильбох стал весьма уважаемым господином, отрастил бороду, оброс учениками. Но есть в его ра-

дужной биографии и нечто темное. Про Тильбоха ходили такие же легенды, как про Микеланджело. Видишь ли, Тильбох был страстно увлечен анатомией. Современники поговаривали, будто он платил бродягам, чтобы они выкапывали для него трупы из могил. Порой это не получалось, и тогда Тильбох зазывал к себе бродяг, поил их вином и, дождавшись, когда они захмелеют, убивал.

– Жуть какая, – передернул плечами Корсак.

Северин улыбнулся:

– Подобные легенды в то время ходили про многих художников, не стоит безоговорочно им верить. Современники считали, что Господь наказал Тильбоха за грехи тем, что не послал ему ни жены, ни детей. Первая невеста художника скончалась за три дня до свадьбы от удушья. Вторая умерла прямо во время свадьбы – упала с лестницы и сломала шею. После этого Тильбох счел себя проклятым и жениться больше не пытался. Умер он от чахотки в возрасте пятидесяти трех лет.

– Это все?

– Все. – Северин откинул со лба седую прядь и посмотрел на Корсака. – А теперь о картине. В девятнадцатом веке картина «Автопортрет со смертью» входила в коллекцию знаменитого московского парфюмера Генриха Брокара.

– Того самого, чья фабрика стояла на Мытной? Изготовитель мыла и одеколонов? Официальный поставщик российского императорского дома?

Северин улыбнулся:

– Российского императорского дома и испанского королевского двора. Рад, что твое увлечение историей Москвы не прошло даром. Никто не знает, как картина попала к Брокору. Впрочем, путей множество. Это было странное время. При известном везении картину Рембрандта можно было купить на Сухаревском рынке всего за червонец. Да-да, не удивляйся. Зачастую так и происходило. Однажды Брокор за трешку купил на Сухаревке темную доску с едва различимым изображением. Забираясь в карету, он швырнул доску на сиденье, а затем по рассеянности уселся на нее. Доска треснула. Брокор хотел ее выбросить, но решил не торопиться. И, как выяснилось, не зря. Треснувшая доска оказалась картиной Дюрера!

– Миф, – сказал Корсак.

– Похоже, – согласился Северин. – Но это абсолютная правда. Вернемся, однако, к твоей картине. После революции коллекция Брокора рассеялась по разным собраниям. Часть картин попала в Третьяковку, часть – в Музей изобразительных искусств. В числе последних был и Тильбох. В 1934 году Музей изобразительных искусств передал картину Угличскому музею как не представляющую особого интереса. Ее забросили в хранилище и забыли на много десятков лет. Год назад угличский искусствовед Яриков копался в хранилище и выкопал Тильбоха буквально из-под кучи мусора.

– В каком состоянии была картина?

– В отличном. Живописный слой на удивление хорошо сохранился. Виктор Фаворский прознал о картине по своим каналам и предложил, что он ее купит. Музей нуждался в средствах. Тильбоха каким-то сложным путем выставили на аукцион, и Фаворский стал его законным владельцем. Тут, конечно, не обошлось без махинаций и интриг, но, как говорится, не пойман – не вор. Так «Автопортрет со смертью» снова оказался в Москве, но на этот раз в частной коллекции ресторатора Фаворского. Кстати, я не предложил тебе выпить. Хочешь чего-нибудь?

– Если можно, немного виски.

– Можно.

Пока профессор возился с бутылкой и стаканом, Глеб размышлял о странных перипетиях судьбы и о том, что история, в которую он ввязался, видимо, сложнее, чем он мог предположить.

– Держи! – Северин протянул Корсаку стакан, а сам взял со стола фотографии картины, уселся с ними в кресло и, сунув в рот трубку, продолжил «лекцию»:

– Теперь поговорим конкретнее. Итак, «Автопортрет со смертью». Сюжет довольно распространенный, хотя, по правде сказать, распространение он получил столетием позже благодаря полотнам художников французской школы. Подожди-ка...

Северин достал из кармана халата очки и изящным же-

стом водрузил их на нос.

– Одно из двух полотен, попавших в пространство нашей картины, – это версия довольно известной работы Питера Брейгеля Старшего «Опасность обоняния».

– С женщинами, зажимающими носы?

Северин кивнул седовласой головой:

– Да.

– А вторая?

– Со второй сложнее. Судя столу, уставленному химическими реактивами, здесь изображена лаборатория алхимика. Вот это – перегонный куб. А это – тигель, в котором плавил металлы.

– А что вы думаете о желтом облаке в углу лаборатории?

– Гм... – Северин сдвинул черные брови и облизнул губы кончиком языка. – Даже не знаю, что тебе сказать. Что-то такое вертится в голове, что-то ужасно знакомое, но никак не могу ухватить.

– Вы заметили силуэт, появляющийся из облака?

– Да, конечно.

– Ученый, облако серы, черный силуэт, появляющийся из облака... Ничего не напоминает?

Северин легонько хлопнул себя ладонью по лбу:

– Вот черт!

– Именно, – усмехнулся Глеб. – Думаю, этот монах – что-то вроде доктора Фауста, который вызвал из преисподней черта, чтобы продать ему душу.

– Да-да-да, – забормотал Северин, еще пристальней вглядываясь в фотографию. – Весьма похоже.

– Но сам монах не очень-то похож на Фауста, – заметил Корсак.

Профессор некоторое время разглядывал снимок, затем снял очки, протер их полой халата и снова водрузил на нос.

– Ты прав, – сказал он наконец. – Скорее всего, это епископ Феофил.

Глеб удивленно вскинул брови:

– Это еще кто?

– Герой одной занимательной средневековой легенды. Считается, что святой Феофил продал душу дьяволу и отрекся от христианской веры.

– Я не ослышался? Вы сказали «святой»?

Северин кивнул:

– Именно так. Осознав, что ступил на скользкую дорожку, Феофил раскаялся. Он обратился с молитвами к Богоматери, и та вымолила ему прощение. Остаток жизни Феофил провел в молитвах, ведя благочестивую жизнь. И, видимо, настолько в этом преуспел, что умер святым.

Глеб посмотрел на фотографию, которую Северин держал в своих длинных и гибких, как у музыканта, пальцах, и спросил:

– Почему Тильбох вставил в картину эти два полотна?

– Дух времени, – сказал Северин. – Тогда было модно писать кабинеты ученых, мастерские художников, апартамен-

ты знатных особ. А какая же это мастерская, если на стенах не висят картины? То же касается и домов, в которых жили вельможи. В ту пору живопись была везде. — Он поправил очки и задумчиво проговорил: — Тут загвоздка в другом...

— В чем? — быстро спросил Корсак.

— Видишь ли, фламандцы никогда и ничего не изображали зря. Каждый предмет, изображенный на картине, — это символ. Вот, например, часы без стрелок и скелет. Скорей всего, они должны были наводить зрителя на мысль о «vanitas» — бренности и скоротечности земного бытия. Художники тех времен любили изображать на картинах подобные штуки. Особенно жаловали черепа.

— Да, я об этом читал, — кивнул Глеб. — Что-то вроде напоминания человеку о том, что его тщеславию и гордыне грош цена. Это как если бы ты выполнил заказ богача и одновременно плюнул ему в лицо.

Северин подергал пальцами бородку и усмехнулся:

— Слишком грубо, но, по сути, верно. Случайности в данном случае абсолютно исключены. Каждая деталь не только тщательно прорисовывалась, но и основательно продумывалась.

Глеб снова покосился на фотографию и усмехнулся:

— Значит, кухарки, зажимающие носы, и алхимик, собравшийся продать душу дьяволу, каким-то образом связаны? И непременно с художником, который сидит за столом и беседует со своей смертью?

– Именно так, – ответил Северин.

Глеб смотрел на него недоверчиво.

– Но какая может быть связь между вонью и проданной душой? – спросил он. – Может, Тильбох намекал, что отягченная грехами душа не только плохо выглядит, но и дурно пахнет? Ради такого простого вывода не стоило корпеть над работой. К тому же...

В кармане у Глеба зазвонил телефон.

– Прошу прощения. – Журналист прижал трубку к уху.

– Алло, господин Корсак? – раздался в трубке взволнованный голос реставратора.

– Он самый.

– Это Долгих вас беспокоит. Вы можете сейчас приехать?

– А что случилось?

– Не по телефону. Приезжайте, – я все покажу. И вот еще что. Я буду чрезвычайно благодарен, если Елизавета Андреевна приедет с вами.

– Это еще зачем?

– Она владелица картины.

– Будущая владелица, – поправил Корсак.

– Это не меняет дела. Когда вас ждать?

– Это будет зависеть от Елизаветы Андреевны, – сказал Глеб.

– Приезжайте, как только сможете!

– Хорошо. – Глеб, отключил связь и сунул телефон в карман брюк.

– Что? – поинтересовался Северин. – Труба зовет?

– Да, мне пора. Спасибо за бесплатную лекцию, Игорь Федорович.

– А кто тебе сказал, что она бесплатная? – насмешливо вскинул брови Северин.

– Вы правы. С меня бутылка... я забыл, что вы пьете?

– «Зеленую фею», – весело сказал профессор. – Как Ван Гог и Артюр Рембо.

– Значит, ждите нас с «феей». Но разопьем мы ее вместе, если не возражаете.

– Напротив, буду рад!

Долгоносика было не узнать. Грустное лицо сияло, как начищенная сковорода. Поглядывая на Корсака, он лукаво усмехался и потирал ладони с видом человека, посвященно-го в большую тайну, которую он больше не в силах хранить.

– Елизавета Андреевна, вы должны это видеть! – воскликнул Долгих, едва Глеб и Лиза вошли в прихожую. – Идемте же!

Не дав гостям раздеться, Долгоносик потащил их в комнату.

– У него такой вид, будто он нашел бриллианты, – шепнула Лиза на ухо Корсаку.

Реставратор усадил гостей в кресла, прямо напротив мольберта, на котором стояла картина ван Тильбоха. С тех пор как Глеб видел ее в последний раз, она несколько не изменилась.

– Ну? И где ваши брильянты? – поинтересовался Корсак, вставляя в рот сигарету.

– Какие брильянты? – удивился реставратор.

– Это я так, к слову. – Глеб поднес к сигарете зажигалку, но Долгоносик властно взял его за запястье худыми, длинными пальцами.

– Пока вы у меня в доме, вам придется воздержаться от курения, – строго сказал он. – Это вредная привычка. К тому

же это может повредить живописному слою картины.

– Как скажете. – Корсак убрал сигарету обратно в пачку.

– Итак, – снова заговорил Долгоносик, глядя на Лизу Фаворскую сияющими глазами. – Вы готовы узнать кое-что удивительное?

– Я вся внимание, – заверила его Лиза, складывая ладони на коленях, как примерная школьница.

Глеб посмотрел на мятую пачку сигарет и со вздохом зачихал ее в карман рубашки.

– Надеюсь, оно того стоит, – пробормотал он.

Долгих бросил на Корсака сердитый взгляд, взял со стола рентгеновский снимок картины и протянул Лизе:

– Елизавета Андреевна, взгляните на этот снимок. Только внимательнее. Вы видите что-нибудь необычное?

Лиза внимательно вгляделась в снимок, затем перевела взгляд на стоящего на мольберте Тильбоха – и обратно на фотографию. Ее светлые бровки взлетели вверх. Она коротко присвистнула и проговорила:

– Вот это да!

– Разрешите взглянуть. – Корсак довольно бесцеремонно вынул снимок из пальцев девушки и подошел с ним к картине. Некоторое время он изучал снимок, сравнивая его с картиной, потом крякнул от удивления и произнес:

– Если не ошибаюсь, вы обнаружили следы позднейших дорисовок?

– И вы это говорите таким спокойным голосом?! – Долго-

носик вырвал снимок из рук Глеба и снова передал его девушке. – Елизавета Андреевна, вы только посмотрите! – проговорил он дрожащим от возбуждения голосом. – Ну не чудо ли? Это же настоящая сенсация! Видите? Вот тут! Раньше на столе стояла свеча. Кто-то закрасил ее, а поверх нарисовал ключ.

Лиза легонько потерла пальцем призрачно-зеленоватый контур свечи на фотографии. Потом рассеянно посмотрела на палец, словно ожидая, что на нем останутся следы.

– Да. Действительно, похоже на свечу, – проговорила она.

– А теперь посмотрите вот сюда! – Долгоносик ткнул костлявым пальцем в снимок. – Раньше вот этой картины на стене не было!

– Что же было? – изумленно спросила Лиза.

– Голая стена. Просто стена!

– И все?

– И все, – кивнул реставратор.

– Честно говоря, я ничего не понимаю. Кто-то закрасил свечу, а на ее месте нарисовал ключ. Но этого ему показалось мало, и он нарисовал на стене еще одну картину. Кстати, что на ней?

– Монах-алхимик, – ответил вместо реставратора Глеб. – Предположительно, святой епископ Феофил, продавший душу дьяволу.

– Это настоящая сенсация! – прошептал Долгих. Его синие очки сползли на кончик носа. Не замечая этого, он бла-

женно зажмурил грустные глаза и с улыбкой произнес: – Представляю, что скажут мои друзья-реставраторы, когда я поделюсь с ними своей находкой!

– Ничего не скажут, – снова подал голос Корсак.

Долгих удивленно на него воззрился:

– Это еще почему?

– Потому что вы ничего им не расскажете, – так же спокойно ответил Глеб.

По бледным губам реставратора змейкой скользнула усмешка. Он поправил пальцем очки и сказал:

– Ошибаетесь, Корсак. Я не имею права скрывать эту тайну от общественности.

Корсак уставился на Долгоносика тяжелым взглядом. Тот слегка поежился и повернулся к Лизе.

– Елизавета Андреевна, – заговорил он, – урезоньте своего братца. Объясните ему, что мы не имеем права скрывать нашу находку.

Лиза посмотрела на Корсака, затем перевела взгляд на Долгоносика и твердо произнесла:

– Вы никому об этом не расскажете, Семен Иванович.

– Но позвольте...

– Я владелица картины, мне и решать. И я уже сообщила вам о своем решении.

– Но, Елизавета Андреевна... – растерянно забормотал Долгих. – Вы должны... В конце концов, вы обязаны...

В глазах реставратора читалось отчаяние. Сенсация, а

вместе с ней и дивиденды, которые она сулила, ускользали, и он ничего не мог с этим поделать.

– Хорошо, – выговорил Долгих сдавленным голосом. – Видимо, у вас есть резон замалчивать это открытие. И, раз уж вам так угодно, я... я тоже буду о нем молчать.

– Вот и славно, – кивнула Лиза. Она снова сверила рентгеновский снимок с картиной и спросила: – Слушайте, а что означает эта надпись на срезе книги? *Ultimam cogita!*

– Думай о последнем, – сказал Глеб.

– Думай о последнем? И зачем она здесь?

– По всей вероятности, это девиз Тильбоха, – сказал Корсак. – Фламандцы часто украшали портреты девизами того, кто на них изображен.

– «Думай о последнем»... – задумчиво повторила Лиза. – Это что-то вроде «мemento мори»? Как грустно.

Долгоносик угрюмо посмотрел на Корсака.

– Я смотрю, вы неплохо разбираетесь в искусстве, – проговорил он.

– Разбирался когда-то.

– Что ж, в таком случае вы, вероятно, сможете объяснить, каким образом епископ Феофил и этот ключ попали на картину?

Глеб посмотрел на доску и сказал:

– Пожалуй, могу попробовать. Только для начала нужно определить, к какому времени относятся правки. Может, их сделал сам Тильбох? – Корсак перевел взгляд на реставрато-

ра и прищурился. — Семен Иванович, Лиза говорила, что у вас есть лампа Вуда?

В угасших было глазах Долгоносика вновь зажглось подобие интереса.

— Лампа есть, — сказал он.

Корсак развел руками:

— Ну так действуйте.

— Прямо сейчас? — неуверенно проговорил Долгих и посмотрел на Лизу.

— А зачем ждать? — ответила она.

Улыбка девушки воодушевила реставратора.

— Да-да, вы правы! — пробормотал он, встал с кресла и вышел из комнаты. Через минуту Долгих вернулся, неся в руках лампу, укрепленную на треножнике. Он поставил треножник на пол и придвинул к Тильбоху. Глеб, который до сих пор никогда не видел лампу Вуда, следил за действиями реставратора с нескрываемым интересом.

— Выключите свет и задерните шторы! — скомандовал Долгих.

Глеб выполнил указание. Комната погрузилась в густой полумрак. Ультрафиолетовые лучи упали на поверхность доски.

— Удивительно! — восхищенно проговорил Долгих. — Видите? Имитация картины на стене и изображение ключа совсем черные!

— И что это значит? — спросил Корсак.

– Свет лампы вызывает флуоресцентное свечение старинных красок и лаков, – ответила Лиза. – Более поздние подправки остаются темными.

– Это значит...

– Это значит, что епископ Феофил, продавший душу дьяволу, и ключ, лежащий на столе, появились на картине гораздо позднее, – объяснил реставратор. – Я бы сказал, что этим дорисовкам чуть больше ста лет. Можете раздвинуть шторы и включить свет.

Троица вновь расселась вокруг журнального столика. Реставратор выглядел оживленным. Он протер салфеткой круглые очки с синими стеклами и водрузил их на длинный нос.

– Елизавета Андреевна, должен вам сказать, что я поражен. И как человек, и как профессионал. Не каждый день сталкиваешься со столь искусной фальсификацией.

– Понимаю ваш восторг, и все-таки... Что за варвар мог это сделать? – недоуменно проговорила Лиза, поглядывая на картину.

Долгоносик улыбнулся:

– Вероятно, он был очень тщеславен и хотел оставить след в истории искусства. Хотя бы и таким способом.

– Да, но посмотрите, как он прорисовал детали. Монах, реторты и это желтое облако... Это же просто шедевр!

Долгоносик пожал сутулыми плечами:

– Значит, фальсификатор был не лишен определенного

таланта. Непонятно только, почему он выбрал столь жуткий сюжет, как продажа души дьяволу? И зачем закрасил свечу? И что за ключ нарисовал на ее месте?

– Все это неспроста, – задумчиво сказал Корсак, доставая из кармана сигареты. – Он явно подражал фламандцам, а эти ребята ничего не изображали зря. Ключ и картина – символы.

– Или... подсказки, – тихо сказала Лиза.

– Какие? – не понял реставратор.

Лиза пожала плечами:

– К разгадке какой-нибудь тайны. Вы, Семен Иванович, забыли три самых главных вопроса.

– Вы о чем? – продолжал недоумевать Долгих.

– Первый вопрос: какую дверь можно открыть этим ключом? Второй: что за ней скрывается? И третий, самый главный: кто сделал поправки?

Корсак щелкнул зажигалкой. Долгоносик посмотрел в его сторону и простонал:

– Я же просил...

– Извините, запамятовал. – Глеб жадно затянулся и потушил сигарету.

– Что за человек, – пробурчал Долгих, демонстративно зажимая нос платком.

Лиза глянула на него с легкой усмешкой, затем обратилась к Корсаку:

– Вы знаете, кому принадлежала картина сто с лишним

лет назад?

Глеб кивнул:

– Московскому парфюмеру Генриху Брокеру. У него была большая фабрика на Мытной. Знатный был господин. Снабжал мылом, духами и одеколоном пол-России.

– И что с его фабрикой случилось потом?

– То же, что и с остальными, – ответил Корсак. – Национализация. Впрочем, ничто не исчезает бесследно. Фабрика действует и поныне, только называется она «Новая заря».

– Откуда вы знаете?

– Я журналист, – просто ответил Корсак. – Знать все и обо всем – моя профессия.

– Про Брокера вам любой москвич расскажет, – угрюмо заметил Долгих. – И, кстати, если картина принадлежала ему, это многое объясняет.

– Что именно? – повернулась к нему Лиза.

Заполучив внимание девушки, реставратор вновь воспрял духом:

– Как известно, Брокер переписывал картины, которые ему принадлежали. Однажды он закрасил некую кошку, потому что, по его мнению, она портила композицию картины.

– С ума сойти! – снова покачала головой Лиза.

Долгих оживился еще больше.

– А однажды, – продолжил он, – Брокеру показалось, что герцогиня, изображенная на портрете четырнадцатого века, слишком худосочна. И тогда он... Он... – Долгих вдруг за-

мьялся.

– Что? – спросила Лиза. – Что он сделал?

– Он...

– Семен Иванович хотел сказать, что Брокер увеличил герцогине грудь, – с ироничной усмешкой проговорил Корсак.

Долгоносик смущенно закряхтел.

– Вот это да! – еще больше восхитилась Лиза. – Но как он решился? Ведь тут нужно... особое мужество.

Долгоносик пожал плечами:

– Чего только не взбредет в голову дикарю? – Выдав эту сентенцию, реставратор посмотрел на часы и сказал, как бы невзначай глянув на Корсака: – Однако уже поздно. На дворе почти что ночь. Глеб...

– Иванович, – подсказал Корсак.

– Глеб Иванович, у вас наверняка есть важные дела, которые необходимо сделать сегодня.

– Вовсе нет.

– А у меня есть.

– Вы нас выпроваживаете? – поинтересовалась Лиза.

Долгоносик сконфуженно покраснел и выдавил:

– Я не это имел в виду.

– Семен Иванович имел в виду, что хотел бы остаться с вами наедине, – сказал Корсак.

Реставратор метнул в журналиста полный яда взгляд и покраснел еще больше. Лиза улыbnулась:

– Глеб, не наговаривайте, пожалуйста, на Семена Ивановича. Ему очень приятна ваша компания. Правда, Семен Иванович?

Лоб реставратора заблестел от капелек пота.

– Конечно, – сдавленно выговорил он.

– Ну вот, что я говорила! Хотя нам с вами и в самом деле пора уходить. Час уже поздний.

Лиза поднялась с кресла. Долгих сделал неопределенный жест, словно хотел ухватить девушку за руку, да на полпути испугался.

– Елизавета Андреевна, вы можете остаться, – нахмурившись, произнес он.

– Зачем?

– Мы могли бы еще раз посмотреть на картину под лампой Вуда.

– Я бы рада, но Глеб Иванович забирает картину. Я права, Глеб Иванович?

– Истинно так, – заверил ее Корсак, тоже поднимаясь с кресла.

Долгоносик выглядел сконфуженным и растерянным.

– Ну что ж... Раз так...

Он тоже встал.

В прихожей, пока Лиза натягивала сапожки-казаки, реставратор взял Глеба под локоть и отвел его в сторону.

– Вы меня обманули, – прошептал он.

– О чем вы?

– Никакой вы не брат. Вы самозванец.

Корсак дернул уголком губ и холодно проговорил:

– Полегче на поворотах, приятель.

– Предупреждаю вас, если вы вздумаете ухлестывать за Елизаветой Андреевной, я... – Глаза реставратора злобно сверкнули. – Я ни перед чем не остановлюсь. Так и знайте.

– Хорошо, я запомню, – спокойно сказал Корсак.

– Эй, заговорщики! – окликнула их Лиза. – Долго мне еще томиться в ожидании?

– Так и знайте, – еще раз проговорил Долгоносик, выпуская локоть журналиста из тощих, бледных пальцев.

* * *

Вечер выдался теплый. В воздухе пахло сухими листьями и влажной землей. Девушка подняла ворот джинсовой куртки и небрежным движением взяла журналиста под руку.

– В тщедушном теле этого господина бушуют поистине шекспировские страсти, – с усмешкой проговорил Корсак и затаился сигаретой.

– Вы злой.

Прикурив от зажигалки Глеба, Лиза с любопытством спросила:

– Что он вам сказал?

– Когда?

– Там, в прихожей.

– Ну... Он сказал, что очень рад был со мной познакомиться. Просил не забывать и почаще заходить в гости.

Лиза легонько стукнула Глеба кулаком по плечу:

– Хватит дурачиться. Я вас серьезно спрашиваю.

– Ну если серьезно... Он сказал, что, если я буду к вам клеиться, он меня «зарэжет». К счастью, мне это не грозит.

– Почему?

– Потому что мне и в голову не придет к вам кле... – Глеб осекся и покосился на Лизу.

Щеки девушки покраснели.

– Если вы думаете, что это комплимент, вы ошибаетесь, – холодно проговорила она, убирая руку.

– Я совсем не то имел в виду.

– Мне плевать, что вы имели в виду!

«Дурак. Самый настоящий дурак», – подумал Корсак и поморщился.

– Лиза, на самом деле вы очень обаятельная девушка. Лет десять назад я бы горы свернул, чтобы завоевать ваше внимание.

– Что же вам мешает сделать это сейчас? – прямо спросила Лиза.

– Я... – Глеб повернулся к ней.

Свет фонаря ярко осветил лицо девушки. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

– Я уже слишком стар для таких игр, – пробормотал Корсак и отвел взгляд.

Губы девушки дрогнули.

– Хорошая отмазка, – насмешливо произнесла она. – Ладно, парниша, не волнуйтесь. Будем дружить семьями. – После секундного молчания она улыбнулась и добавила с напускной веселостью: – Ужином-то вы меня, по крайней мере, можете накормить? Или вы и на это не годитесь?

– Это запросто, – в тон девушке ответил Корсак.

– Ну тогда ноги в руки – и вперед!

В баре «Пьяная креветка» стоял страшный гам. Народу – не протолкнуться. Глеб и Лиза кое-как пробрались к барной стойке.

– И в это заведение вы постоянно заходите? – удивленно спросила Лиза, диковато поглядывая на облепивших барную стойку парней и девушек.

– Раньше здесь все было иначе, – сказал Глеб.

– Как «иначе»?

Глеб хотел объяснить Лизе, что по-настоящему любит только вновь открывшиеся заведения. Стоит вездесущим клеркам и менеджерам среднего звена пронюхать о новом баре, как орды этих вечных тружеников заполняют залы под завязку. После этого на заведении можно ставить крест. Через два месяца в нем портится пиво, еще через два месяца наглеют официанты, а полгода спустя из меню таинственным образом исчезают лучшие блюда. Постепенно отличный когда-то бар окончательно превращается в помесь вокзальной тошнिलовки и проходного двора.

Глеб подумал, как бы выразить все эти мысли одной фразой, и не надумал ничего лучше, как сказать:

– Здесь стало слишком много менеджеров.

– Ясно, – кивнула Лиза, словно и в самом деле что-то поняла.

Из толпы вынырнул взлохмаченный, угловатый парень. Он был румян, голубоглаз и курнос. Щеки и подбородок покрывала трехдневная рыжеватая щетина. Над низким лбом курчавились густые рыжие волосы. В левом ухе странного субъекта болталось дешевенькое серебряное колечко. Одет молодой человек был в застиранную желтую водолазку и потертый пиджак из коричневого велюра. На плече у него висел старенький фотоаппарат «Пентакс».

– Здравствуй, б-бродяга! – завопил он, обнимая Корсака.

– А, братское сердце! – улыбнулся тот. – Привет!

– Привет, п-привет!

Рыжий слегка заикался, отчего сразу показался Лизе очень милым. Незнакомец быстро и внимательно оглядел девушку и спросил Корсака:

– Ты меня п-представишь своей спутнице?

– Обязательно. Вот, Лиза, вы, конечно, удивитесь, но это лохматое, нечесаное существо, которое стоит перед вами, – совсем не леший и не черт. Это мой старинный друг Петр Давыдов.

– Для вас просто Петя, – сказал рыжий фотограф. Затем взял Лизину руку, поднес к губам и церемонно поцеловал. – Вы п-подруга Глеба? – поинтересовался он.

– Хотелось бы в это верить, – сказала Лиза.

Рыжий подумал и глубокомысленно заметил:

– У Глеба много д-друзей.

– Да уж, – сказала Лиза. – А вы, я вижу, фотограф? – спро-

сила она, кивнув на болтающийся фотоаппарат.

– Фотографирую п-помаленьку.

– Петя фотокорреспондент, но в душе – настоящий художник, – сказал Корсак.

– Ну, это ты, старик, преувеличиваешь. Хотя и н-ненамного.

Лиза засмеялась. Рыжий фотограф тоже засмеялся. Смех у него был мягкий и приятный.

– Выходит, мы с вами коллеги, – сказал Лиза.

– У вас т-тоже есть фотокамера?

– Нет, я тоже художник.

– Правда? А выглядите как м-модель.

Корсак шутливо ткнул его кулаком в бок:

– Ну ты, дамский угодник, угости-ка нас выпивкой.

Петя Давыдов вздохнул и сказал Лизе:

– Представьте себе, Лиза, эта х-хамская личность постоянно пьет за мой счет.

– А вы ему не наливайте, – посоветовала Лиза.

– П-пробовал. Но у него делается такой несчастный вид, что у меня сердце к-кровью обливается.

Лиза засмеялась, потом посмотрела на лакцан Петиного пиджака и спросила:

– А что это за медведь у вас?

– Это мой т-тотем. Он есть на гербе моего рода, – гордо произнес Давыдов.

– Вы что, дворянин?

Петя слегка поклонился и сказал:

– Я принадлежу к с-старинному графскому роду. Мои предки, московские бояре, служили верой и правдой еще Ивану Г-грозному.

– Не удивляйтесь, – насмешливо заметил Корсак. – На досуге Петя пишет фантастические рассказы, поэтому часто смешивает вымысел с реальностью.

Фотограф усмехнулся:

– Это он из з-зависти. Мой прадед этого шелкопера дальше п-прихожей не пустил бы. А я вот вынужден пить с ним водку.

Давыдов опрокинул рюмку и потряс головой:

– Ух! А вы п-почему не пьете? – спросил он у Лизы.

– Я не пью спиртное.

– Что, даже пиво?

– Даже пиво, – кивнула Лиза.

Петя улыбнулся, окинул Лизу восхищенным взглядом и сказал:

– Вы очень красивы! Вы знаете, что вы похожи на Венеру с полотен К-кранаха?

– Спасибо, – весело поклонилась фотографу Лиза.

В этот момент шумная компания рядом с ними загалдела особенно громко.

– Я должен извиниться, – сказал Лизе Петя Давыдов.

– За что?

– За то, что мой друг привел вас в эту д-дешевую забега-

ловку. Впрочем, он никогда не отличался избирательностью.

– Я же не аристократ, – пожал плечами Глеб.

Давыдов окинул его ироничным взглядом и сказал:

– З-заметно. И с этим человеком, Лиза, я п-прожил в одной комнате два года. О доля соловья, звонкоголосой птицы! О грустная судьба пернатого п-певца!

Петя со вздохом взялся за стакан, и в этот момент дымную атмосферу зала прорезал хриплый, пьяный окрик:

– Вали отсюда, обезьяна черножопая!

Тощий негр в грязной джинсовой куртке встал из-за стола и послушно засеменил к выходу. Вслед ему раздался гогот. Когда негр поравнялся с барной стойкой, Давыдов положил ему руку на плечо и сказал:

– Не спеши, д-друг. Садись, выпей с нами.

Негр испуганно посмотрел на Петю.

– Я не могу, – проговорил он.

– Можешь, – сказал Петя. – Я угощаю.

Совсем сбитый с толку негр послушно сел на крутящийся стул возле барной стойки. Петя сделал бармену знак, чтобы тот налил ему водки.

– Эй, черножопый! – хрипло прокричал тот же голос. – Чего уселся? Вали к себе в Африку, ублюдок!

Негр испуганно вжал голову в плечи.

– Не обращай на них в-внимания, – спокойно сказал ему Петя Давыдов.

– Черномазый, не понял, что ли? Тебе говорят!

Негр повел худыми плечами и боязливо произнес:

– Я лучше пойду.

Он привстал, однако Давыдов снова усадил его на стул. Повернулся к группе бритоголовых парней в черных куртках, сидящих за ближайшим столиком, и сказал:

– Эй, п-парни, отвалите от него!

– Не зарывайся, родной, – отозвался один из компании. – Откапывать будет некому!

Парни заржали. Петя усмехнулся и сухо проговорил:

– Я вам н-не родной.

– Гляди-ка, заика! – хрипло крикнул один из парней. – Ты сначала говорить научись, д-д-друг.

Бритоголовые снова загоготали. Петя медленно сполз с табуретки.

– П-простите, Лиза. Мне придется ненадолго отлучиться, – мягко сказал он.

Корсак вздохнул, затем снял с запястья часы и положил в карман пальто.

Бритоголовые – их было трое – встали из-за стола. Рослые и сильные парни выглядели куда крепче худощавого невысокого Пети. Один медленно, вразвалочку, подошел к фотографу.

– Ну че, баклан, похоже, ты нарвался? – с усмешкой проговорил он.

Петя посмотрел на него снизу вверх и сказал:

– В-выйдем-ка на улицу.

– Зачем?

– Воздухом п-подышим.

– Ну п-пойдем, к-к-коли не шутишь, – ощерился в усмешке парень.

Петя Давыдов и бритоголовый верзила направились к выходу. Двое остальных двинулись за ними.

– Посидите здесь, – сказал Лизе Глеб. – Мы сейчас вернемся.

Он залпом допил коктейль, вытер рот рукавом пальто и отправился следом. Лиза тоже хотела пойти, но бармен схватил ее за руку.

– Вы там будете лишней, – тихо сказал он.

– Но надо что-то делать! – взволнованно проговорила Лиза.

– Что?

– Ну я не знаю. Вызывать милицию...

Бармен покачал головой:

– Не надо милицию. Сами разберутся.

* * *

– Ну что, заика, любишь черномазых? – Бритоголовый верзила смерил фигуру Пети Давыдова насмешливым взглядом. – Сейчас огребешь по полной программе.

Петя быстро нагнулся, схватил с земли какую-то корягу, выставил ее перед собой, как шпагу, и крикнул:

– Обнажил я клинок свой! Умереть я готов!

Скинхеды опешили.

– Чего? – не понял верзила.

– Умри, несчастный! Твою кончину с легким сердцем я приму! – крикнул Петя. Потом взмахнул корягой, издал горлом воинственный клич, похожий на вопль Тарзана из старого фильма с Джонни Вестмюллером, и ринулся на скинхедов.

Один из скинов с визгом отлетел к стене, второй взвыл и схватился за перебитый нос. Третий отскочил в сторону и, сунув руку в карман, стал быстро обходить Петю Давыдова сбоку, но тут перед ним вырос Корсак.

– Привет! – улыбнулся скину журналист.

Скинхед выхватил руку из кармана. Раздался легкий щелчок, и в свете фонаря тускло сверкнуло узкое лезвие. Однако воспользоваться оружием верзила не успел: мощный хук с правой в челюсть сбил его с ног. Бритоголовый попытался встать, но Корсак завис над бандитом, как коршун над птенцом, и ударом кулака пригвоздил его к асфальту.

Давыдов тем временем продолжал орудовать своей палицей, которая за время схватки успела стать в два раза короче. Удары сыпались на скинхедов градом, но лишь немногие попадали в цель. Один из скинов увернулся и, оказавшись за спиной у фотографа, хватил его за горло. Петя выронил палку и захрипел. Ему пришлось бы туго, но подоспевший Корсак оторвал от него скинхеда и, сделав подсечку, уложил

противника на асфальт.

Петя воодушевился, снова издал воинственный клич, еще страшнее прежнего, и бросился на третьего скинхеда с голыми кулаками. Искаженное гневом лицо фотохудожника, взлохмаченные волосы и горящие глаза заставили скина ретироваться. «Атас! Сумасшедший!» – крикнул он и бросился наутек. Второй скинхед вскочил на ноги и последовал его примеру. Третий вышел наконец из нокдауна, в который его отправил Корсак, и попытался подняться. Петя Давыдов, подхватив с земли палку, одним прыжком подскочил к поверженному врагу, наступил ему на руку и, ткнув палку скинхеду в горло, хрипло проговорил:

– Проси пощады, плебей!

– Чего просить? – испуганно загнусавил скинхед, морщась от боли и тщетно пытаясь приподняться.

– П-пощады! – повторил Петя.

– Я прошу... Прошу пощады!

Петя брезгливо скривил губы.

– Т-так и быть, на этот раз я тебя прощаю. – Он убрал ногу и вытер рукавом потный лоб. – И передай своим холоуям, чтобы они б-больше здесь не появлялись. Иначе ими займется доблестный сэр Ланселот.

– Лансе... кто? – не понял скинхед.

– Ланселот, болван! Это я. То есть я – Ланселот, а ты – б-болван. Повтори!

– Я Ланселот, а ты – б-болван, – послушно повторил скин-

хед.

– Правильно, – кивнул Петя. – А теперь – вали отсюда!

Скин тяжело поднялся с земли и, держась ладонью за ушибленную челюсть, заковылял за своими товарищами. Через несколько секунд он скрылся во тьме.

– Остатки вражеских гарнизонов трусливо бежали с поля б-боя, – с удовлетворением констатировал Петя.

– У тебя зуба не хватает, – сказал ему Корсак, отряхивая рукава пальто.

– Где? – поинтересовался Петя, поднимая руку и трогая пальцем окровавленную губу.

– Сбоку... Да не с этого, с другого.

Давыдов потрогал пальцем разбитую десну и поморщился:

– Больно, б-блин. Хорошо, хоть не передний.

– А какая разница?

– Не скажи. Сегодня я д-должен быть неотразим.

Молодые люди привели одежду в порядок и двинулись к бару. Возле двери бара Петя взял Корсака за рукав пальто:

– П-подожди.

– Чего? – обернулся журналист.

– У тебя с этой д-девочкой роман?

Глеб нахмурился и покачал головой:

– Нет.

– А будет?

– Вряд ли.

Конопатое лицо Пети стало пунцовым.

– Значит, ты не б-будешь против, если я слегка за ней п-приударю?

– Нет, не буду, – ответил Глеб. – Только поменьше улыбайся. Иначе она от тебя убежит.

– Что-то их долго нет, – волновалась тем временем Лиза. – Я все-таки позвоню в милицию!

Она достала из кармана телефон, но тут дверь бара распахнулась, и на пороге появились наши герои. Они неторопливо прошли к барной стойке.

– Ну наконец-то! – всплеснула руками Лиза. – Где вы пропадали?

– Простите, что задержались, с-сударыня, – вежливо ответил Петя Давыдов.

Корсак ничего не ответил, только сунул в рот сигарету и сделал бармену знак – наливай.

– Хорошо, что вы вовремя вернулись, – сказал бармен, наполняя стакан Глеба. – А то вон барышня нервничала. Все в порядке?

– По-женски дома поджидал ты воинов! Они сражались – ты в п-постели спал! – ответил ему Петя.

Бармен усмехнулся:

– Ну-ну.

– О господи! – взволнованно воскликнула Лиза. – У вас подбородок в крови.

– Г-где? – Давыдов поднял руку и потрогал подбородок. – А, это. Ничего страшного. Как г-говорится, жизненно важные органы на задеты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.